

10 MARS 1938.

LES COSAQUES LIBRES

XIe Année

10 МАРТА 1938 г.

238

10 БЕРЕЗНЯ 1938 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ XI-й.

РІК ВІДАННЯ XI-й.

М. Григор

Содержание:

1. Ив. Коваленко: Осиротевшая лира.
 2. Андрей Пономарев: **
 — «» —
 3. На темы дня.
 4. Трагедия Казачества.
 5. А. Ленинов: Полк. Б. М. Чернецов.
7. Поликарп Квач: Начало борьбы.
 8. Николай Лапкин: Думы и мысли.
 9. Казачья эмиграция.
 10. В Испании.
 11. Ген. Деникин о русских людях.

Почтовый ящик:

И. К. Румыния. Получено. Привет.
 П. Т. Ужице. Получено. Ответ послан письмом.

Ф. Ш. Польша. Получено. Ответ письмом.
 Н. П. Италия. Получено. Ответ письмом.

От редакции

**РЕДАКЦИЯ ПРОСИТ ВСЕХ СОТРУДНИКОВ И КОРРЕСПОНДЕНТОВ ВРЕМЕННО ВЕСЬ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ВК» НАПРАВЛЯТЬ НА ИМЯ СЕКРЕТАРЯ РЕДАКЦИИ:
 Mg E. Yakimenko, 109, rue Erlanger, Paris 16.**

В большом свете

Приводим ниже выдержки из последней речи Гитлера, произнесенной им в рейхстаге 20 февраля, в таком виде, в каком они появились в печати.

В статье «На темы дня», сказано о том тяжелом положении, в котором находятся наши враги во внешнем мире. Вот выдержки, подтверждающие это:

О БОЛЬШЕВИЗМЕ.

«Только с одним государством мы не стремились и не стремимся войти в более тесные отношения: это СССР (одобрение). В большевизме мы усматриваем, больше чем когда либо, воплощение человеческого инстинкта разрушения... Мы знаем: это маленький еврейско-интеллигентский верхний слой привел великий народ в состояние подобного безумия. Если бы это учение было ограничено пределами русской территории, об этом, в конце концов, можно было бы говориться, т. к. Германия не имеет намерения навязывать русскому народу свое собственное мировоззрение.

«К несчастью, еврейский интернациональный большевизм ведет из своего советского центра подковы изнутри против всех народов мира, стремясь довести до крушения существующий общественный строй и вводить хаос на месте культуры. Не мы ищем со-прикосновения с большевизмом. Это он стремится не-устраняя заразить остальное человечество своими идеями, и ввергнуть его в чудовищные бедствия. И в этом мы с ним непримиримые враги. Как внутри Германии мы ликвидировали все московские коммунистические происки, так мы не допустим, чтобы Германия была из-вне уничтожена материальной мощью большевизма.

«Великобритания не раз заявляла устами своих ответственных деятелей, что она заинтересована в поддержании статус-кво, — это следовало бы применить и к данному случаю. Большевизация любого европейского государства означала бы перемену существующего положения. Большевизированная область уже не

являются самостоятельными государствами с собственной национальной жизнью, а только секциями московского революционного центра. Мне известно, что мастер Иден это возрение не разделяет. Г. Сталин разделяет его, и это открыто признает. А в моих глазах г. Сталин все же является более достоверным знатоком и истолкователем большевицких взглядов и намерений, нежели английский министр! (продолжительные одобрения). Поэтому мы относимся с отвращением ко всякой попытке распространения власти большевизма, где бы она ни происходила; а там, где это угрожает нам, — мы встретим ее враждой».

ИСПАНСКИЕ СОБЫТИЯ.

....«Руководимый Москвой — и в личном и в материальном отношении — натиск против независимого национального государства, вызывает отпор национальной части населения, не желающей, чтобы ей перервали горло. Демократический интернационал, так же, как в Германии, становится на сторону большевицких поджигателей. Германское правительство усмотрело бы в большевизации Испании не только элемент беспорядка в Европе, но и нарушение европейского равновесия, так как, если бы эта страна стала секцией московского центра, возникла бы опасность дальнейшего распространения этой заразы разложения и уничтожения, с последствиями, к которым мы ни при каких условиях не могли бы остаться равнодушными...

«В испанском конфликте у Италии и Германии одинаковые взгляды и поэтому одинаковые позиции. Их цель — обеспечить существование национальной Испании, обладающей полной независимостью. Германо-итальянская дружба постепенно превратилась в стабилизирующую начало для европейского мира. Объединение обоих государств с Японией создает самую мощную преграду для дальнейшего натиска советско-большевицких сил.»

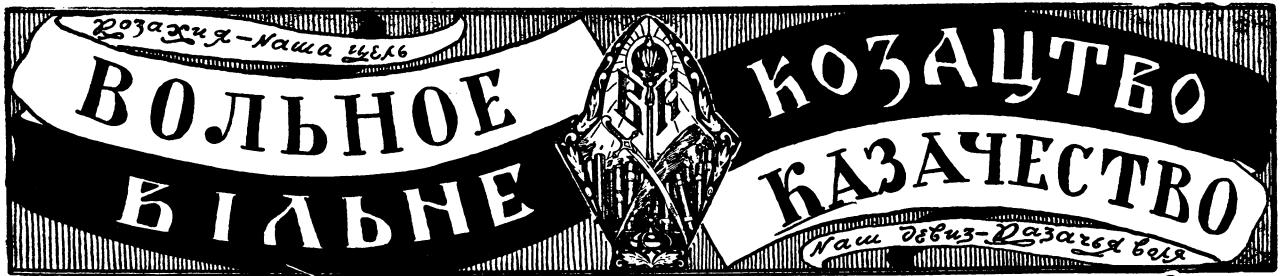
ГОНОРАР НЕ ПЛАТИСЯ

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются

**ПЕЧАТАЕТСЯ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
 IV-ой ЧАСТИ**

„Трагедии Казачества“

Предполагаемая цена: во Франции: 25 фр. Заграницу: 1 ам. долл.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Бильт

Редакция и администрация: 109, rue Erlanger, Paris (16e)

№ 238.

Четверг 10 марта 1938. — Четверг 10 марта 1938

№ 238.

Ив КОВАЛЕНКО

ОСИРОТЕВШАЯ ЛИРА

ПОСВЯЩАЕТСЯ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ Б. А. КУНДРЮЦКОВА, ПО СЛУЧАЮ ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЫ СО ДНЯ ЕГО БЕЗВРЕМЕННОЙ СМЕРТИ.

...«О, Дон! и я пою, в изгнании страдая,
О красоте Твоей и о Твоих сынах...
И знай, — мой стихъ последний, зами-
рая, —
Он будет о Тебе и о Твоих степях»...
Б. Кундрюцков.

Не щебечи, соловейко,
Під вікном раненько....
Козача пісня.

Смолкла песня на пол-тоне
Грустно, грустно стало:
Чудный сказ о Тихом Доне
Сразу смерть прервала.

Чародея скрыла яма,
Под плитой могильной
Его лира среди хлама,
В паутине пыльной.

Звуки песни не несутся
По волнам эфира,
В грудь казацкую не льются
Капли элексира.

Позабыт напев игравый,
Лиру кроет плесень...
Смолкли звуки, — только живы
Отголоски песен.

Они плавали по свету,
В души проникают
И кудеснику поэту
Лавры собирают.

Андрей ПОНОМАРЕВ.

**

Она жива, родная Казакия,
Не умерла, святая наша мать,
Ее сковала злая Московия
И заставляет всех там погибать.

Заблещут вновь, как яркие созвездья,
Все купола святых наших церквей
И лишь тогда наш меч возмездья
Повиснет на бедре родных богатырей.

Но день придет и чуждому нам миру
Наступит гибельный конец,
Стряхнем с себя российскую порфиру
И снимем с головы терновый наш венец.

На темы дня

За последние две-три недели в политическом мире произошли большие и важные события, которые сильно ударили по нашему врагу, а удар по нашему врагу, ослабление его — приносит нам только пользу.

Большим событием, если не самым большим, является уход министра иностранных дел Англии Идена. Весьма вероятно, что с уходом Идена, внешняя политика Великобритании изменится коренным образом.

Кому уход Идена и поворот в политике Англии может нанести удар? В первую очередь — удар нанесен Советской России, ее иностранной политике, т. к. с уходом Идена рухнули все планы большевиков на создание «антифашистского фронта», который кремлевские власты намеривались использовать в своих целях для международной смуты.

Падению Идена способствовал Чемберлен — этот смелый человек, восставший решительно и мощно против политики, которая привела бы Европу к войне.

Сэр Самуэль Хор сказал, что правительство, возглавляемое Н. Чемберленом, решило избавить Европу от военной угрозы, ликвидировав ее в корне».

Полезно будет напомнить тут, что после поездки Идена в Сов. Россию, а поездка эта состоялась после беседы Идена с Муссолини по абиссинскому вопросу и определившая отношение английского министра к фашизму и Италии, как и персонально к Муссолини.

Будучи в Москве, Иден заверил Сталина, что «акция» Муссолини в Абиссинии обречена на гибель, а вместе с тем и весь политический строй Италии, а это открывает большие возможности для Коминтерна. Такие заверения английского министра дали повод Красной Москве поднять газетную кампанию против Муссолини и фашизма, будучи уверенной, что скоро Англия начнет войну с Италией и Муссолини — «отцом» фашизма».

Серьезные политические деятели Англии давно уже не разделяли той политики, которая ведется их министром иностранных дел, политики, которая ведет к смуте, расприям, раздорам.

Исходным пунктом в падении Идена нужно считать конец января, когда разногласия между премьером и министром иностранных дел произошли по «китайскому вопросу». Литвинов, Иден, Дельbos и Валингтон Ку приняли в Женеве решение о помощи Китаю, но Чемберлен, не желая втягивать свою страну в авантюру, телефонным звонком в Женеву, свел на нет интриги красной Москвы.

Некоторые газеты рассматривают отставку Идена, как конец «оси» Сталин-Иден, «поражение партии войны», устранение опасности военных столкновений» и пр.

Сам Иден, обясняя свою отставку в парламенте, заявил следующее: «В течение последних недель, по вопросу о принятии важного решения в международной политике, не касаю-

щегося Италии, между нами (Чемберлен-Иден) обнаружились самые глубокие разногласия».

Чемберлен в свою очередь заявил в парламенте следующее:

«Я сам при последних выборах еще верил в коллективную безопасность. *Ныне я в нее не верю*. Положение с тех пор совершенно изменилось. Тогда некоторые из нас еще надеялись, что коллективную безопасность может обеспечить Лига Наций. Но ныне Лига Наций, в том виде, в каком она существует, неспособна обеспечить безопасность кому бы то ни было.

«...Желаем ли мы переговоров с Италией или нет. Если желаем, то чем скорее начнем их, тем будет лучше. Политика социалистов, которые произносят речи, но ничего не делают для охраны мира, может привести нас к войне.

«...Мои противники заявляют, что можно начать переговоры с Италией лишь в том случае, если она выполнит наши требования. Однако, было бы грубо бесчестно заявлять, что только тогда начнешь переговоры, если условия, о которых следует договориться, будут выполнены предварительно.

«...Между Францией и нами полное единогласие. Можно ли себе вообразить, чтобы мы, столь тесно связанные с нашими французскими друзьями, могли начать переговоры, не продолжая оставаться с ними в тесном контакте. Мы не можем достигнуть намеченной цели, если французы не будут с нами согласны».

Приведенного уже достаточно для того, чтобы понять какой страшный удар нанесен нашему врагу изменением политики Англии.

Ведь «коллективная безопасность», Лига Наций в том составе, в каком она есть, нелады других держав между собою — все это были те «кошки», на которых «гарцевали» дипломаты красной Москвы, «делая» большую политику.

Нужно-ли говорить какой вой подняла большевистская и большевизанствующая пресса по поводу изменения курса английской иностранной политики? Правда, еще не дошло до «наш ответ Чемберлену», т. к. «прорывы» у советов обнаружились сейчас на очень многих «фронтах» обнаружены новые «псы» и они заняты ликвидацией «прорывов», ликвидацией «псов», о чем речь будет ниже.

Временное исполнение обязанностей министра иностранных дел Англии возложено на лорда Галифакса, поездка которого в Германию в свое время наделала много шума в европейской печати.

Это самое красноречивое доказательство того, что во внешней политике Англии наступил поворот.

— «» —

Много неприятностей, если не большее что либо, причинил нашим врагам случай с «исчезновением» дипломата Бутенко. Как известно, в последнее время участились случаи отзывов в сов. Россию дипломатов, аккредитированных при иностранных правительствах. Все они попадали в опалу и кончали плохо, — расстрелы

ми или в лучшем случае ссылкой в Сибирь и прочие «отдаленные места».

Недавно перешел на положение невозврашенца полпред в Греции, стал невозврашенцем и поверенный в делах в Бухаресте Бутенко. Переход Бутенко на положение невозврашенца, превращение его в того человека, который лишний раз подтвердил в Европе о том, что советская власть — власть варваров, произошел при особых обстоятельствах. Он просто исчез в Бухаресте. Выехал из Посольства домой, вышел из автомобиля около своего дома, а, по свидетельству прислуги, дома его не было. Шоффер, привезший поверенного в делах Бутенко к подъезду его дома, разумеется, заверял, что привез дипломата домой и в этом был прав.

Как бы там ни было, но советский дипломат пропал без вести. Советское правительство послало энергичную ноту румынскому правительству (нашли по себе!), с требованием произвести самое строгое расследование, т. к., по предположениям советского правительства, Бутенко мог быть похищен.., фашистами.

Однако, все скоро разяснилось. Никто Бутенко не похищал, а он сам перешел на положение невозвращенца, об'явившись в Италии. Кофуз для советского правительства невообразимый. Мало того, что Бутенко об'явился и заявил, что переходит на положение невозвращенца, но он приступил и к разоблачениям, весьма некстати для сов. власти. Для нас ничего нет нового в том, что говорил Бутенко журналистам и о чем он говорил в прессе. Все же, может быть, кого либо Бутенко своим поступком и своим выступлением заставит призадуматься.

Когда Бутенко об'явился и выяснилось, что его никто не похищал, большевики и тут нашли выход из положения. Как говорит пословица: «поганому виду — нема стиду». Они подтвердили свой протест румынскому правительству и стали заверять весь мир, что, хотя Бутенко и об'явился, но по их, большевиков, убеждению, он все же жертва кровавого фашизма и все его заявления делаются им принудительно и настаивает перед румынским правительством вести еще более энергичное расследование, для выяснения обстоятельств «похищения» Бутенко.

Из всех разоблачений, сделанных Бутенко в беседе с иностранными журналистами, сделанных им в прессе, сказанных в речи по радио, нас больше всего интересует положение других народов, находящихся под московским сапогом. Правда, он, Бутенко, ничего не сказал о положении там казаков (хотя это мы хорошо знаем), но о положении украинцев, и др. кое что сказал, хотя тоже ничего нового.

По его словам все административные посты на Украине находятся в руках или евреев, или людей, присланных из Москвы и преданных Сталину. Руководство всеми видами промышленности Украины сосредоточено в Москве, Петрограде, на Урале. В промышленном отношении Украина — лишь колония Москвы. Население Украины постоянно пребывает на голодном положении. За малейшее проявление украинского национализма — полагается расстрел и десятки тысячи украинских патриотов

расстреляны или мучаются в тюрьмах и ссылках. Все население Украины питает беспредельную ненависть к своим поработителям. Власти это знают и Украину держат на осадном положении, угнетают, заливают кровью и подвергают мучениям.

Беседу с иностранными журналистами он закончил заявлением, что он — украинец и свою дальнейшую работу направит против Москвы, чтобы освободить из-под ее гнёта свой, украинский, народ.

— » —

Еще одно обстоятельство, на первый взгляд мелкого колибра, и, вероятно, рассчитано было только «для местного употребления», вызвало оживленные прения в иностранной печати. «Отец народов» Сталин, как известно, любит иногда входить в непосредственный «контакт» с «самыми счастливыми и самыми свободными гражданами в мире». На сей раз произошла переписка между «отцом народов» и комсомольцем Ивановым. Переписка эта, комментированная и в иностранной печати, к огорчению заграничных большевизанов, открыла настоящее лицо советской власти. С недавних, правда, пор заграницей стали считать, что Сов. Россия стала государством патриотическим, что там теперь прививается всем чувство «прекрасной родины» и рассматривается это, как «достижение». Переписка эта проливает свет на то, что все те рассказы о родине, о любви к ней, о патриотизме, есть такой же блеф, как и все остальные блефы московских правителей.

«Отец народов» Сталин, прямо и определенно, отвечая на письмо комсомольца Иванова, заявил: «Мы живем не только в определенном государстве, но в системе государств, и не мыслимо, чтобы существование СССР среди империалистических государств могло бы долго продолжаться. В конце концов, победит или та или другая сторона. А до этого неизбежен ряд столкновений между СССР и буржуазными государствами».

Дальше Сталин признается, что наша сила (советов Ред.) — это мировой пролетариат.

Значит, отошло на зданий план все то, что пленяло большевизанов — русских и иностранных — о демократизме Москвы, о ее патриотизме, о заботе только о своей «прекрасной родине». Старые, разрушительные законы коммунизма продолжают угрожать миру. Перемена курса английской политики, о которой говорилось выше, является прямым ответом советским смутьянам, силящимся ввергнуть Европу в новые бедствия.

— » —

Еще два свидетеля появились в Европе, которые свидетельствуют о том тяжелом положении, в котором находится наш враг. Проигрыш нашего врага на внешнем и внутреннем фронтах, — есть выигрыш наш, выигрыш тех, кто ведет борьбу за свою свободу.

В Эстонии спустился советский аэроплан с двумя летчиками, лейтенантами Унишевским и Гурьевым.

Летчики эти рассказали, что в красной армии идет сейчас усиленная чистка. Вероятно,

«чистильщик» Ежов не справляется со своим делом. Больно уж много завелось «нечистоты». Недавно, как заместитель «первого маршала нашей любимой родины» Ворошилова, был назначен Мехлис — «око Сталина», который и занялся усердной чисткой в армии.

По свидетельству бежавших летчиков, в красной армии происходит сейчас жестокая «чистка» среди офицерского состава и сами они бежали от расправы чекистов. Жестокость чистки проявляется особенно в авиации (это как раз гордость красной армии!). С начала текущего года, бежавшие потеряли контакт со многими своими сослуживцами, которые вдруг «исчезли».

Их свидетельства важны в том отношении, что никакой особой силы красная армия,ично подвергающаяся чистке, не представляет.

— «» —

Уже некоторое время ходили слухи о том, что маршал Егоров в опале. Советские верхи эти слухи не опровергали. В настоящее время опала маршала, повидимому, является фактом.

28 февраля слухи об опале подтвердились и выяснились мотивы этой опалы. Маршал Егоров в настоящее время арестован, в результате конфликта между ним и «оком Сталина» Мехлисом. Конфликт возник из-за того, что Егоров относился отрицательно к институту политических комиссаров в армии. Между тем, эти комиссары ежедневно обнаруживают политические заговоры.

Мехлис требовал для Егорова смертной казни, но этому, якобы, воспротивился Ворошилов и, по слухам, Егоров будет отправлен на Дальний Восток, где будет служить под командой Блюхера.

Как принято в сов. России, опала перенесена и на его жену, за которой установлена слежка. Еще недавно, когда маршал был в милости, его жене были подарены платья, купленные в Париже, чтобы она могла появляться в обществе иностранных дипломатов.

Ходят также упорные слухи и об опале еще двух «генералов» — Дыбенко и Белова, командующих Петербургским и Белорусским военными округами.

— «» —

Когда пишутся эти строки, в сов. России судят новых «псов». Два другие процесса, бывшие в 1936 и 1937 г.г. «зиновьевцев» и «троцкистско-зиновьевского блока» — дополнит и этот процесс, который советская пресса называет «блок правых троцкистов».

На скамье подсудимых — Бухарин, Рыков, Ягоды, Крестинский, Раковский, Розенгольц, Иванов, Чернов, Гринько и др.

Все они обвиняются все в том же: — шпионаж в пользу иностранной державы, саботаж, провокация, терроризм, отделение Украины, Грузии, Армении и др., в стремлении разрушить социалистический режим в СССР.

Это, так сказать, обвинения трафаретного порядка, но в вину новым «псам» ставится еще: убийство Куйбышева, Менжинского, писателя

Горького. Ставится им в вину и организация убийства Кирова, а также подготовка в 1918 году в момент заключения Брест-Литовского договора, убийства Ленина, Свердлова и Сталина.

Как во время прежних подобных процессов, так и теперь, «народы СССР с ужасом и негодованием узнали, собираются «стихийные» митинги, требуют казни «псов» и пр...»

Советская «Правда» (28 февраля) пишет: Сотни миллионов, рабочих, крестьян, честных интеллигентов во всем мире вздрогнут от негодования и отвращения о чудовищном заговоре и об ужасающих преступлениях подлых убийц, шпионов, фашистских заговорщиков, обединившихся в блоке правых троцкистов»...

Конечно, «Правда» хвалит и «добрейшую» работу «чистильщика» Ежова, говоря: «Добрейшая работа наркомвнудела положила конец подлой деятельности троцкистско-бухаринской шайке. Ее разрушение стоит большой военной победы. Советский суд, без всякого сомнения, справится с ними по заслугам».

Первоначально из телеграмм не было видно, принесли ли повинную новые «псы» и «гады». Теперь выяснилось, что все они, за исключением Крестинского, признали себя виновными.

Такие явления, как большие политические процессы, всегда вызывали оживленное обсуждение их в иностранной печати. И на этот раз иностранная печать весьма много уделяет внимания этому процессу. Одни сравнивают Сталина с Иваном Грозным, а расправу с старой гвардией, рассматривают, как расправу Ивана Грозного с боярами.

Другие — сравнивают с восточными владыками и их жестокостями; третий — ставят вопрос: не душевно ли большой Сталин?

Газета «Попюлэр» указывает, что процесс, подобный нынешнему, является убийственным для советской власти.

«Обвинительный акт, — говорит та же газета, — относится, скорее, к области психопатологии. В нем можно найти, на ряду с самыми фантастическими предположениями, изложение мельчайших деталей — обстоятельство, весьма характерное для произведений сумасшедших и хорошо знакомое врачам-психиатрам».

Из всего, сказанного в настоящей статье, видно, что положение нашего врага, как у себя дома, так и вне, весьма шаткое. Большевиков бьют на дипломатическом фронте, расшатывается большевизм внутри. Нас это обязывает к тому, что не следует на это закрывать глаза. **Нужно быть готовыми к предстоящим событиям и встретить их крепкими и обединенными.** Не только мы, казаки, борющиеся за свой дом, должны быть едины, но должны обединиться и с теми другими народами — народами Кавказа и Украины, которые, как и мы, ведут борьбу и, как и мы, за те же идеалы, за свой дом.

События требуют единения! Будем едины!

Единым фронтом должны все мы встретить грядущие события. Они уже не за горами.

Будем едины и готовы!

Слава Казачеству!

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

ЧАСТЬ У.

(Апрель-ноябрь 1920 г.).

ГЛАВА У.

Укрепление власти Врангеля. Мероприятия «новой власти». Польско-украинское наступление против большевиков и политика Врангеля. Роль держав Антанты.

Уход Деникина после катастрофы «белого» движения и появление ген. Врангеля во главе русской контр-революции в Крыму не были случайностью.

Проиграв широко, но плохо организованную борьбу на Волге, Урале и в Сибири, на берегах Белого и Балтийского морей, в степях Украины и Казачества, остатки сил старой России рассеялись по чужим государствам или укрылись на Крымском полуострове.

Верхушку этих сил составляли наиболее образованные, опытные и влиятельные в прошлом люди. Все они ясно сознавали и хорошо понимали, что только полное об'единение в могучий кулак всех боевых сил, собравшихся в Крыму; только неограниченная военная и гражданская власть, сосредоточенная в одних твердых руках; только беспрекословное подчинение всем распоряжениям этой власти могут защитить Крым от ужасного по своим последствиям вторжения туда красных войск, могут послужить залогом возможных дальнейших успехов в борьбе против большевиков или же обеспечить эвакуацию из Крыма заграницу армии и беженцев, не желавших оставаться под большевистской властью.

На этой почве выросла и укреплялась власть Врангеля.

Чтобы надежно упрочить свое положение, ген. Врангель весьма тщательно подбирал своих сотрудников, уделив при этом достаточно внимания делу привлечения на ответственные должности тех казачих генералов, которые беспрекословно и охотно исполняли его волю.

Во главе крымского правительства Врангель поставил своего единомышленника А. В. Кривошеина, бывшего председателем «Совета Государственного Об'единения», состоявшего из аграриев, крупных промышленников и старых реакционеров-бюрократов; министром иностранных дел был назначен П. Б. Струве, от левых социал-демократов докатившийся до монархистов; военным представителем в Константинополе был назначен твердый противник казачьего освободительного движения ген. С. А. Лукомский; во главе земельного управления был поставлен Г. В. Глинка, и т. д.

Своим помощником ген. Врангель назначил своего неразлучного друга — Кубанского Казака ген. П. Н. Шатилова; донской ген. Писарев, в марте 1920 г. приведший Кубанские корпуса из богатого Майкопского отдела на голодное Черноморское побережье, в середине апреля был назначен комендантом гор. Севастополя, а Кубанский ген. Мальшенко — комендантом главной квартиры ген. Врангеля; преданный Врангелю донской ген. Абрамов, как отмечено выше, был назначен командиром Донского корпуса. Начальником Кубанской дивизии в Крыму был назначен Кубанский ген. Бабиев. «Горячий русский патриот, он (Бабиев) с величайшим негодованием относился к предательской работе самостийников», говорит о нем Врангель; «я мог быть спокоен за те части, во главе которых юн (Бабиев) стоял», поясняет далее Врангель (Записки: «Белое Дело», т. VI-й, стр. 50).

Гарнизонную службу в гор. Севастополе нес Лейб-Гвардии Донской казачий полк.

Видные должности заняли бывшие сотрудники Врангеля по Кавказской (Кубанской) армии: бывший начальник военных сообщений Кавказской армии ген. Махров был назначен начальником штаба главнокомандующего в Крыму, а начальник снабжения Кавказской армии ген.-лейт. П. Э. Вильчевский — начальником управления снабжений в Крыму...

Эта искусно составленная мозаика из русских и казачьих генералов ясно говорит о том, насколько деятельно казаки генералы поддерживали Врангеля и то русское «белое дело», которому все они служили не за страх, а за совесть.

Первое заседание совета начальников управлений при Врангеле состоялось 9-го апреля 1920 г. в г. Севастополе под председательством самого Врангеля. «В первую очередь я обратил внимание на необходимость принятия ряда мер по улучшению хозяйственного положения», говорит Врангель.

«Затем мною было обращено внимание на необходимость сокращения непомерных штатов всевозможных учреждений», и т. д. В результате этого заседания, было организовано три комиссии: под председательством ген. Шатилова: «для пересмотра штатов всех учреждений», под председательством ген. Вильчевского: «для разработки вопроса о нормировке рабочих ставок» и т. д. и под председательством начальника управления — финансовую комиссию по улучшению налоговой системы и по увеличению доходов казны (там же, стр. 40-41).

11-го апреля Врангель приказал образовать под председательством сенатора Глинки «комиссию для разработки земельного вопроса», а 14-го апреля были образованы особые военно-судные комиссии при начальниках гарнизонов и комендантах крепостей... При рассмотрении дел военно-судные комиссии «должны были руководствоваться правилами о военно-полевых судах». Особенной жестокостью и бесчеловечностью отличался командир 1-го (бывшего Добровольческого) Корпуса ген. Кутепов.

28-го апреля Врангель отдал приказ о наименовании впредь армии «Русской», вместо «Добровольческой», как это было при предшественнике Врангеля ген. Деникине. 29-го апреля был отдан приказ, согласно которому освобождались «от всяких наказаний и ограничений по службе все офицеры и солдаты, если они сдались и перешли на нашу сторону, безразлично до сражения или во время боев, а равно и всех служивших ранее в советской армии»...

* * *

В октябре 1917 года большевики захватили государственную власть в Петрограде и в Москве с целью введения социалистического строя не только на землях русского народа, но и на землях других народов бывшей России, а также и в иных государствах Европы, Азии, Америки и Африки...

Дальнейший ход борьбы в 1918 и 1919 г. г. убедил большевиков в невозможности одновременного осуществления их боевой программы, как в пределах бывшей России, так и на территориях других государств. Поэтому московские руководители Ш-го интернационала разделили программу своей деятельности на этапы: 1) они решили сначала покончить с внутренними фронтами и 2) только потом перейти в наступление против соседей.

В то время, когда большевистское правительство было занято борьбой с Колчаком — на Востоке, с Миллером — на Севере, с Юденичем — у Финского залива, с Деникиным — на Юге, когда большевики были заняты борьбой с казаками, на Западе — от Мурмана до Карпатских гор — возник целый ряд новых государств — Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша, организованных национально осознавшими себя народами.

Еще летом 1919 г. тяжелая борьба на Юге, на Востоке и у Петрограда принудила Советскую Рос-

сию искать мира с малыми народами Запада и, в первую очередь, с Эстонией, потом с Латвией, Литвой и Финляндией.

Этой своей политикой Советская Россия хотела достичнуть одновременно нескольких целей: а) добиться того, чтобы территории этих народов не являлись бы районами, где собирались, организовывались и вооружались силы русской контрреволюции (особенно — Эстония, Латвия и Литва); б) чтобы на тех же землях не организовывались антибольшевистские немецкие силы; в) чтобы перед «буржуазными государствами» и перед пролетариатом всего мира показать, что советская власть будто бы в действительности проводит в жизнь принципы самоопределения народов; г) чтобы освободить максимум красных дивизий западного фронта для борьбы на Юге, где антибольшевистская волна поднялась было выше города Камышина на р. Волге, выше городов Воронежа, Курска и Чернигова; д) чтобы изолировать силы Польши, борьбу с которой красная Москва откладывала до времени разгрома фронтов русских «белых»...

К концу 1919 г. разгромив Колчака, Деникина и Юденича, Советская Россия усилила планомерную подготовку к решительному наступлению против Польши. Зима 1919-1920 г. прошла для Западного советского фронта (от р. Западной Двины до р. Припети) и Юго-Западного фронта (от р. Припети до р. Днестра) в усиленной работе по обучению войск, улучшению их снабжения и организации тыла красных армий.

Рядом с этим, Советская Москва, заканчивая борьбу с казаками на Юге и, постепенно собирая силы для нанесения удара против Польши, энергично вела большевистскую пропаганду, как внутри Польши, так и в государствах Европы и Америки. Тогда большевики стремились к тому, чтобы морально и политически изолировать Польшу, чтобы скрыть истинные свои намерения, чтобы в населении Польши подорвать доверие к своему национальному Правительству...

Одновременно с этим, Москва, по определенному плану и весьма настойчиво, вела пропаганду о своем «чрезвычайном миролюбии и о своем желании заключить мир с Польшей». Вследствие этого: а) советское правительство 8-го декабря 1919 г. «обратилось к Польше с предложением вступить в мирные переговоры; б) 15-го января 1920 г. совет народных комиссаров обратился с торжественным заявлением к Польскому Правительству и польскому народу, подтверждая предложение от 8-го декабря 1919 г. и указывая, что нет вопроса между Советской Россией и Польшей, который не мог бы быть разрешен путем мирных переговоров; г) 20 января 1920 г. «Всероссийский центральный исполнительный комитет обратился с новым возванием к Польскому народу» и в этом возвании «в частности указывалось, что Советская Россия отнюдь не желает силою штыков ввести в Польше коммунизм, и т. д. Даже в то время, когда уже между Советской Россией и Польшей шла война, Л. Троцкий-Бронштейн говорил на митинге в гор. Гомеле 27 апреля 1920 г.: «Мы должны свою душу, свою совесть очистить от вражды и ненависти к Польскому народу; Польский народ наш друг и брат! Война наша направлена не против польских рабочих и крестьян, а за них... И т. д.

В свою очередь, Польша, осведомленная об истинных намерениях Советской России и о ее усиленных военных приготовлениях на Западном фронте, готовилась к новой схватке.

Готовясь к переходу в наступление, советское командование специально подтягивало подкрепления на Западный и Юго-Западный фронты. В апреле с Северного Кавказа на Юго-Западный фронт походным порядком перебрасывалась 1-я конная армия Буденного.

9(22) апреля 1920 г. Польское Правительство заключило, долго подготавливавшееся, соглашение с Правительством Украинской Народной Республики о совместных действиях против Советской России. Дабы захватить инициативу в свои руки, 12 (25) апреля польско-украинские войска перешли в наступление сначала против советских войск на Украине: уже 15-го (28) апреля был занят г. Житомир, а 23 апреля (6 мая нов. ст.) большевистские войска были изгнаны из столицы Украины — Киева. Другая группа украино-польских войск продвигалась вдоль линии Проскуров-Житомир в сторону г. Одессы.

Через три недели наступления польско-украинских войск на Украине — 2-го (15) мая 1920 г. фронт проходил по линии: от устья р. Припети вниз по р. Днепру, далее с востока югдал Киев и спускался ниже по р. Днепру, между городами Каневым и Черкасами сворачивал на запад — на Звенигородку, через р. Умань подходил к р. Днестру в районе г. Сороки.

Успешное апрельское наступление польско-украинских войск по территории Украины и такое же наступление польских войск к северу от р. Припети, естественно, незамедлило сказаться на положении Крыма. Еще недавно, 30 марта советский Главком указывал южному фронту Юго-Западного советского фронтом следующее: «Операция по овладению Крымом в настоящее время для фронта является первостепенной, почему на нее должны быть брошены все силы фронта, даже не останавливающие перед временным ослаблением польского участка» (Н. Е. Какурин и В. А. Меликов. Война с белополяками. Стр. 75) В апреле же месяце все внимание и силы Советского правительства были направлены на Западный фронт.

Ген. Врангель следующим образом оценивает тогдашние события: ...«В Севастополе были получены сведения о возобновлении военных действий на Польском фронте. Польские войска перешли в наступление и по всему фронту теснили красных. Наше тяжелое положение несколько облегчилось. Мы могли расчитывать, что противник, отвлеченный всеселом поляками, даст нам временную передышку. Этую передышку мы должны были всемерно использовать» (Записки. «Белое Дело», т. VI-й, стр. 35).

У него же находим следующую оценку: ...«Разбитые поляками ХI-я, ХII-я и ХIII-я советские армии продолжали отходить по всему фронту, почти не оказывая сопротивления. В течение нескольких недель поляки, при содействии украинских петлюровских формирований, очистили огромную территорию вплоть до Полоцка на Западной Двине, до верхнего течения Днепра, Киевский район и значительную часть правобережной Украины.

«Все резервы красного командования бросались на Западный фронт для спасения катастрофического положения. Туда главным образом направлялась конница. С Кавказа переброшена была 1-я Конная армия товарища Буденного, наиболее сильная часть красных армий.

«Даже с Крымского фронта была снята единственная кавалерийская дивизия, 8-я червонного казачества, брошенная на юго-западный участок польского фронта».

«Железнодорожные пути на юге России, после отхода наших армий, еще не были восстановлены и переброска красных частей производилась медленно, походным порядком» (там-же, стр. 78).

Совершенно естественно, на очередь стал вопрос о взаимодействии польско-украинских и крымских антибольшевистских сил.

Для Советской России вновь наступили критические дни.

Успешное продвижение польско-украинских войск к самому Днепру указывало на то, что и для казаков снова наступил момент для самых решительных действий, направленных к очищению Казачьей территории от красных оккупационных войск.

Надо полагать, что когда Войсковые Атаманы Дона, Кубани, Терека и Астрахани, 2-го апреля 1920 г., подписывали соглашение с Врангелем о совместных действиях против большевиков, главы казачьих государств верили, вероятно, что ген. Врангель сделает все для того, чтобы достигнуть скорейшего освобождения Казачьих Земель.

Но, трагедия Казачества, по-прежнему, заключалась в том, что казаки не были хозяевами своих собственных сил. Русские и казачьи (русской ориентации) «руководители» погубили Донскую армию в марте месяце в районе Новороссийска, а Кубанскую 19-20 апреля отдали большевикам в районе Сочи-Адлера, а остатки Донских, Кубанских, Терских и Астраханских сил в Крыму отдали в полное распоряжение ген. Врангеля. А Красная Москва, придавив казачью грудь, выкачивала с Казачьих Земель хлеб и скот и мобилизовала казаков для борьбы за неделимую красную Россию.

Возможен ли был успешный переход крымских сил в наступление? Каково было соотношение сил противников у выходов из Крыма?

Сам Врангель по этому вопросу даёт следующие общие данные: ...«Русская армия к маю уже представила серьезную силу. Численность бойцов на фронте, в запасных и тыловых частях достигала 40.000 человек. Все боеспособное было влито в строй. Материальная часть приведена в порядок. Мы располагали десятью танками, двадцатью аэропланами... Работы по укреплению позиций на всем фронте значительно подвинулись. Войска успели отдохнуть и оправиться»...

«Общая стратегическая обстановка начинала складываться для нас благоприятно. Мы не только могли быть временно спокойны за участь Крыма, но могли вновь померяться с врагом».

«Тяжелое экономическое положение не позволяло далее оставаться в Крыму. Выход в богатые южные уезды северной Таврии представлялся жизненно необходимым» (там-же, стр. 79).

О силе советских войск он же говорит следующее: ...«К маю месяцу в боевом составе XIII-й советской армии числилось вновь до 12.000 штыков и 3.000 сабель. Во главе XIII-й армии поставлен был подполковник ген. штаба латыш Паука (там-же, стр. 78).

Таким образом, не только общее тяжелое хозяйственное и военное положение Советской России, но и выгодное для антибольшевиков соотношение вооруженных сил противников у выходов из Крыма к маю месяцу 1920 г. обеспечивали успешность наступления вооруженных сил, находившихся под общим командованием Врангеля.

Однако, Врангель медлил, хотя продвижение его войск в северную Таврию могло бы облегчить тяжелое продовольственное положение Крыма. Очевидно, были серьезные причины, заставлявшие его воздерживаться от перехода в наступление при таких чрезвычайно благоприятных условиях.

**

Как уже было подчеркнуто выше, Врангель, 21-22 марта 1920 г., заменил Деникина на посту «главнокомандующего вооруженными силами Юга России» при активном содействии Англии; при чем не только сам Врангель, но и выбиравшее его на пост главнокомандующего совещание, состоявшее из генералов: Драгомирова, Богаевского, Сидорина, Кельчевского, Вязьминова, Шатилова, Турбина, Боровского, Покровского, Топоркова, Юзефовича, Шилинга, Кутепова, Ефимова, Улагая, Стогова и Махрова и адмиралов: Герасимова и Евдокимова, приняло тогда к сведению «ультимативное сообщение Британского Правительства... о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы с тем, чтобы Правительство Короля Великобритании обратилось с предложением к Советскому Правительству об амнистии населению Крыма и, в частности, войскам Юга России»...

Эта прямая зависимость ген. Врангеля от воли Англии, снабжившей Крым вооружением и бывшей полным хозяином на Черном и Азовском морях, наложила свою печать на политику Врангеля, особенно в первый период его «правления».

Хотя Англия продолжала, по обыкновению, вести двойственную политику, хотя в составе английского правительства были горячие противники большевизма, но все же английский премьер Ллойд-Джордж, поддержаный большинством членов кабинета, и министр иностранных дел Керзон направляли все свои усилия к установлению мирных отношений с правительством Советской России, к возобновлению торговли сношений между Англией и Россией.

Английский адмирал Сеймур 6(19) апреля сообщил Врангелю следующее:

«Великобританское Адмиралтейство уведомляет, что Лорд Керзон послал господину Чичерину (комиссар иностранных дел) в субботу 4(17) апреля телеграмму, в которой он сообщает, что хотя вооруженные силы на Юге России и были разбиты, но нельзя допустить, чтобы они были обречены на полную гибель и если бы не последовало немедленного ответа Чичерина, что он согласен на приятие посредничества Лорда Керзона и прекращение дальнейшего наступления на юге, Британское Правительство было бы вынуждено направить корабли для всех необходимых действий, чтобы охранить армию в Крыму и предупре-

дить вторжение советских сил в ту область, в которой находятся вооруженные силы юга России».

15(28) апреля, как сказано выше, украино-польские войска, продвигаясь к линии р. Днепра, заняли г. Житомир, а 16(29) апреля представитель Англии при ген. Врангеле ген. Перси, как бы удерживая Врангеля в пределах Крыма, предупреждал его о том, что «продолжение войны ген. Врангелем имело бы роковой исход и не могло бы быть поддержано нами (Англией) никакой материальной помощью».

**

Иную политику в отношении большевиков осуществляла тогда Франция. Она, во-первых, поддерживала свою союзницу Польшу; во-вторых, активно поддерживала Врангеля.

10-го апреля, т. е. пред самым переходом польско-украинских войск в наступление против советских армий, начальник Французской военной миссии в Крыму ген. Манжен писал министру иностранных дел Крымского правительства о том, что Французское правительство будет согласовывать свои действия с правительством Великобритании, дабы поддержать ген. Врангеля, предоставив ему всю необходимую материальную поддержку, пока он не получит от советов условий перемирия, обеспечивающих его армии соответствующее положение».

Видя успехи польско-украинских войск в борьбе с большевиками, ген. Врангель, через русского посла в Париже В. А. Маклакова, запросил правительство Франции о его основных взглядах на происходящую борьбу на Востоке Европы между Россией, Польшей и Украиной. Уже 17-го апреля (1-го мая) В. Маклаков мог телеграфировать в Крым следующее:

«Французское Правительство относится отрицательно к соглашению с большевиками. Никакого давления для сдачи Крыма не окажет. Не будет участвовать ни в какой подобной медиации, если бы другие ее предпринимали. Сочувствует мысли удержаться в Крыму и Таврической губернии. Считая большевизм главным врагом России, Французское Правительство сочувствует продвижению поляков. Не допускает мысли о скрытой аннексии ими Приднепровья. Если создано было бы Украинское Правительство, оно может быть признано только де-факто».

Эта телеграмма говорит о том, что Франция тогда считала «большевизм главным врагом России», сочувствовала выходу Врангеля из Крыма в Таврию, соглашалась только фактически признать Украинское правительство.

**

Получив ответ Французского правительства, Врангель не перешел в наступление, а 19 апреля (2 мая) обратился к представителю Англии ген. Перси с пространным письмом, в котором, давая ответ на вышеупомянутое английское предупреждение от 16(29) апреля, просил помочи в борьбе с большевиками и разъяснял следующее:

...«Единственным средством приостановить непрерывную анархию в России, является сохранение в ней здорового ядра, которое могло бы обединить вокруг себя все стихийные движения против тирании большевиков. Не новым наступлением на Москву, а обединением всех борющихся с коммунистами народных сил может быть спасена Россия от этой опасности, которая грозит переброситься на Европу. Поэтому сохранение неприкосновенности территории, занятой Вооруженными силами на Юге России и обеспечение неприкосновенности казачьих земель совершенно необходимы для осуществления той цели, которую ставят себе союзники и в достижении которой нуждается цивилизованный мир — прекращения гражданской войны и анархии в России».

Далее Врангель писал: «Для облегчения Британскому правительству переговоров с советской властью, я предполагаю послать в Лондон особо-уполномоченных лиц, знакомых с настоящим положением дел в пределах моей территории и Казачьих Земель, и посвященных в мои предположения».

Так как соглашением с Атаманами Дона, Кубани, Терека и Астрахани, с дня 2 апреля 1920 г., ген. Врангель стремился подчинить исключительно своей власти казачьи вооруженные силы и Казачьи территории, так как он вел решительную борьбу против всякого проявления казачьего свободолюбия и не остановился

даже перед «осуждением» бывшего командующего Донской армией ген. Сидорина и начальника его штаба только за то, что они терпели издание газеты «Донской Вестник», упоминание Врангеля о Казачьих Землях, помещенное в выщечитированном письме его на имя Перси, может быть объяснено, во-первых, желанием расширить подвластную ему территорию за счет Казачьих Земель и приумножить свои боевые силы за счет казаков, и во-вторых, желанием выставить себя перед казаками в роли борца за освобождение Казачества от большевистского ига...
**

Советское Правительство было чрезвычайно встро-
важено переходом польско-украинских войск в насту-
пление. Неотложной задачей для него было: а) скорей-
шая ликвидация Кубанской армии, в то время еще
державшейся на Кавказском побережье Чёрного моря и
б) недопущение выхода из Крыма войск Врангеля.
Поэтому 15(28) апреля Советское Правительство после-
шило заявить Англии, что оно «согласно вести перегово-
ры о перемирии с Врангелем на тех условиях, кото-
рые были предложены советским правительством ген.
Миллеру (командующему северным антибольшеви-
ским фронтом, находившимся в полной зависимости от
Англии) 8-го февраля 1920 г. (полная капитуляция с
выдачей оружия, снаряжения и запасов, в обмен за
гарантию жизни и право отъезда).

21-го апреля (4 мая) английский министр иностранных дел Керзон ответил красной Москве, что дело идёт не о капитуляции, а о перемирии с Врангелем и об обе-
щании ему амнистии, при чем Керзон предлагал большевикам вести переговоры с Врангелем при участии
английского офицера.

20-21 апреля на Чёрноморском побережье у Юр. Сочи сдалась большевикам Кубанская армия. Но под
ударами польско-украинских войск большевистские войска 23 апреля оставили Киев. И в тот же день Советское правительство «известило Керзона о том,
что оно готово на соглашение с Англией или с теми,
кого он (Керзон) укажет по вопросам об амнистии и бескровной ликвидации Крымского фронта» (Б. Штейн. Международное положение и внешняя
политика РСФСР в период врангелевщины. Ксфму-
нистическая академия. Разгром Врангеля. Сборник ста-
тей. Москва. 1930. Стр. 14).

Врангель не мог уже расчитывать на длитель-
ную помощь со стороны Англии, поэтому он искал
активной поддержки со стороны Франции. С этой це-
лью в апреле ген. Врангель послал в Париж своего
министра иностранных дел П. Б. Струве.

Крымские войска продолжали бездействовать.

Тем временем большевистская Москва принимала самые энергичные меры для приостановления дальнейшего продвижения польско-украинских войск. Между прочими мерами противодействия этому насту-
плению советская власть обратилась за помощью к бывшим русским офицерам императорской армии. Особый приказом Революционного Военного Совета России с дня 19 апреля (2-го мая) бывший командующий Юго-Западным фронтом и Верховный Главнокомандующий во время Мировой войны ген. А. Б. Бру-
силов был назначен председателем Особого Совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами Советской Республики (напоминает Особое Со-
вещание при Деникине). В состав этого Особого Со-
вещания входили русские генералы: Брусилов, Поли-
ванов, Зайончковский, Клымовский, Парский, Валу-
ев, Гутов, Акимов и др.

19(30) мая Особое Совещание опубликовало «Воз-
звание ко всем бывшим офицерам, где бы они ни на-
ходились», с призывом защищать пределы России «от
захватнических попыток Польши».
**

Как свидетельствует ген. Врангель, глава Фран-
цузской миссии в Крыму в разговорах с самим Врангелем, с его министром иностранных дел П. Струве и с заместителем Струве князем Трубецким «неоднократно выдвигал вопрос о возможности со-
гласования наших действий с действиями польско-ук-
раинских войск». Врангель давал неясные ответы...

4(17) мая глава Французской миссии ген. Манжен получил от врангелевского министра иностранных дел следующий письменный ответ:

«Вам угодно было выразить ген. барону Врангелю

Ваше желание ознакомиться со взглядом его на воз-
можность согласования действий Вооруженных сил
Юга России с польскими и украинскими силами.

Главнокомандующий поручил мне ознакомить
Вас с его точкой зрения, на случай, если бы в даль-
нейшем события сделали бы возможным подобное со-
гласование действий.

«Ген. Врангель считает прежде всего необходимым заявить, что он не находит возможным касаться политической стороны вопроса, а также воздержи-
вается от заключения по вопросу о политическом со-
глашении между Польшей и Украиной.

«Единственная цель Вооруженных Сил на Юге России — вооруженная борьба с большевиками. Для этой цели Главнокомандующий готов воспользоваться всякой помощью и готов согласовать свои действия с польскими и украинскими силами. Он полагает, что для удачи операций желательно бы разграничить район действий борющихся армий и, со своей стороны, может указать ныне же области, ограниченные с запада течением Днепра до г. Екатеринослава на севере, как район, в коем намечается развитие операций его сил.

«Само собой разумеется, что, в силу соображений военного характера, гражданское управление в занятых областях должно осуществляться военными властями соответствующих армий».

Естественно, что такой уклончивый ответ не мог удовлетворить представителя Франции. В то же время председатель врангелевского правительства А. В. Кривошеин добивался в Париже выяснения отношения Франции к Врангелю. На письменный запрос А. Кривошеина товарища министра иностранных дел Франции Палеолог 7-го мая ответил А. Кривошеину письмом следующее:

«Я не преминул представить письмо Ваше госпо-
дину председателю совета министров, министру ино-
странных дел. Я рад иметь удовольствие засвидетель-
ствовать Вам, что Французское правительство признает все значение русской территории — последнего
убежища русских националистов — русского убежища
сознания и права.

«Доколе ген. Врангель не получит гарантий, обес-
печивающих его войска, мы приложим усилия для
снабжения его продовольствием и материалами для
защиты от наступления большевиков и наш черномор-
ский флот будет препятствовать высадке противника
на побережье Крыма».

Таким образом, Франция обеспечивала Крым про-
довольствием и вооружением, а Французский флот за-
щищал берега Крыма от большевистских десантов.

Все же Врангель и при этих условиях продолжал
бездействовать.

**

Советская Россия сравнительно быстро оправи-
лась от нанесенного ей поляками и украинцами по-
ражения и сосредоточила на Западном фронте нуж-
ные силы для перехода в контр-наступление.

К 12 мая 1-я Конная армия Буденного, состоявшая, как известно, в весьма значительной мере из казаков, подошла уже в район г. Умань, а 13-го мая Буденный, поддержаный иными советскими войсками, перешел в смелое наступление против польско-украинских войск и прорвал фронт противника, что и послужило началом временных успешных действий красных армий на Юго-Западном и Западном советских фронтах.

Врангель должен был, наконец, принять то или иное решение.

15(28) мая заместитель крымского министра ино-
странных дел князь Трубецкой, по поручению Вран-
геля, писал в Париж находившемуся там с особыми поручениями Врангеля П. Б. Струве ниже следующее разъяснение:

«Начальник Французской военной миссии ген.
Манжен неоднократно делал попытки выяснить точку
зрения Главнокомандующего на отношения с Поль-
шей и Украиной в случае совместных действий. Как
я уже имел случай поставить Вас в известность пись-
мом от 5(18) мая с. г. за № 480, Главнокомандующий в общем определил эти отношения следующим обра-
зом: он благожелательно расположил ко всем силам,
действующим против большевиков, и готов входит в
с каждой из них в соглашение чисто военного харак-

тера, не затрагивая до окончания борьбы никаких щекотливых политических вопросов. Во избежание тяжелейших, предполагает в предстоящих операциях не переходить линию Днепра к северу от Екатеринослава...

...«Ген. Манжене удовлетворился данными разъяснениями и продолжал настаивать на трудностях, которые могут возникнуть, когда сомкнется фронт и станет вопрос о едином командовании; для поляков будет неприемлемо русское командование, для нас — польское. На это Главнокомандующий отвечал, что, по его мнению, будущее укажет, в каком смысле может быть разрешен вопрос согласования нашего с поляками, но что, конечно, в междуусобной войне одной части России против другой никакое иностранное командование невозможно.

«Вскоре после этой беседы штаб (Врангеля) получил сведения, точно определяющие очертания большевистского фронта против Польши. Согласно этим сведениям, красные наступают с севера и с юга в общем направлении на Гродно и от Тараши на Бердичев. Южный фланг прикрывается армией Буденного, за правым берегом Днепра. Далее к югу между большевиками и нашим расположением существует промежуток.

«Ознакомившись с таким расположением, главнокомандующий пришел к заключению, что чисто стратегические соображения безусловно склонили бы его к нанесению удара в тыл армии Буденного, таковую операцию лично он считал бы вполне выполнимой при наличии тх сил, коими располагает. В этом случае ему пришлось бы перейти нижнее течение Днепра примерно между Аleshками и Никополем, прикрыв свой правый фланг в направлении Бердянск-Александровск.

«Правильная, с чисто военной и стратегической точки зрения, операция, по мнению главнокомандующего, могла бы иметь серьезное значение для польского командования, расстраивая весь план большевиков охвата польской армии с двух флангов.

«Против осуществления этого плана имеются, однако, серьезные политические соображения. Переходя Днепр, Главнокомандующий не может остаться на почве возможности чисто военного соглашения с Польшей. Он выходит на территорию, которую поляки определили в качестве будущей Украины, не найдя нужным войти с нами по этому поводу в какие-либо обьяснения и соглашения. С своей стороны, будучи расположены признать за Малороссией саму широкую автономию в пределах будущего государства русского, Главнокомандующий не мог бы сойти с этой принципиальной точки зрения. В случае, если бы нам пришлось теперь же вступить на почву переговоров политического характера с Польским правительством, мы могли бы оставить пока в стороне вопросы земельного размежевания России и Польши, но, считаясь с настроением русского населения Малороссии, мы не могли бы, переходя Днепр, не определить нашего отношения к будущей Малороссии.

«Всеми этими соображениями Главнокомандующий счел полезным поделиться с ген. Манженом, дабы он мог осветить положение своему правительству, подчеркнув при этом, что сам он (Врангель) ютюнь не берет какой-либо инициативы в этом вопросе и вообще считает, что непосредственные переговоры с поляками нам неудобно вести, но что Французское правительство располагает данными, чтобы судить о том, считает ли оно удобным и в какой мере и каких отношениях оказать воздействие на поляков. Сдержанность наша усугубляется известиями о недоброжелательном к России отношении, которое за последнее время преобладало в Варшаве и нашло себе косвенное выражение в обращении ген. Пилсудского к населению Украины».

Из этого документа видно, что Врангель хорошо понимал, что наступление крымских войск через нижний Днепр могло бы нанести существенный вред большевистским войскам и даже, как полагал он, разрушить весь большевистский план охвата Польской армии с двух флангов. Но, Врангель не переходил в наступление по «серезным политическим соображениям», заключающимся в том, что он не хотел допустить организации самостоятельного украинского государства и что «непосредственные переговоры с поляками нам (Врангелю) неудобно вести».

Таким образом, советская власть подвластных ей казаков бросала на Западный и Юго-Западный фронт на борьбу за русские интересы, а Врангель удерживал казаков в Крыму во время, наиболее подходящее для борьбы за освобождение Казачьих Земель.

**

Английское правительство, последовательно и весьма внимательно защищая интересы своей державы, в вопросах практической политики на Востоке Европы продолжало описывать зигзаги, которыми старалось закрыть свои истинные намерения и обеспечить защиту интересов Англии.

2-го мая прибыл в Севастополь командующий английским оккупационным корпусом ген. Мильн... Он просил Врангеля указать, не испытывает ли последний «нужду в каких-либо предметах военного снаряжения и выражил готовность сделать все от него зависящее для ее удовлетворения... «Ген. Мильн», рассказывает Врангель, «отдал тут же распоряжение об отпуске бензина из Батума и предложил воспользоваться для получения рельс (для постройки ветки к Бешуйским копям в Крыму) старым русским имуществом, оставшимся в Трапезунде» и т. д. (П. Врангель. Записки. «Белое Дело», т. VI-й, стр. 82-83).

Однако, все же это не помешало министру иностранных дел Англии Керзону 6(19) мая известить советское правительство в Москве о том, что он прилагает все усилия к открытию мирных переговоров между Врангелем и Советами (высказываясь стоя Б. Штейна, стр. 15).

14(27) мая во главе с инж. Красиным прибыла в Англию делегация Советской России для ведения переговоров о русско-английском соглашении, и 16(29) мая начальник Английской военной миссии в Крыму ген. Перси передал Врангелю особую ноту, в которой, между прочим, говорилось следующее:

...«Британское правительство указало мне разъяснить ген. Врангелю, что он не должен ожидать никакой перемены в британской политике, как следствие наступления поляков. Правительство его Величества неуклонно решено приложить старание к прекращению военных действий на Юге России в возможно непродолжительный срок».

Советско-английские переговоры начались в Лондоне 18(31) мая. Как поясняют советские источники, «Английско» Правительство пошло на эти переговоры под влиянием двух моментов... Прежде всего, вне всякого сомнения, Английское правительство убедилось на деле, что перемирие с Врангелем не находится в зависимости не только от добной воли советского правительства, но и самого Английского правительства. «В этот период», уверяют большевики, «Врангель целиком попал в орбиту влияния Франции, которая не только не хотела какого-либо прекращения военных действий, но наоборот, всячески толкала Врангеля против Советской России и вынуждала его начать наступление. Одновременно проходили боевые действия на польском фронте, развернувшиеся опять таки в плане французской политики. Ллойд-Джордж тогда пошел на открытые переговоры с Советской Россией, желая (помимо прочих причин) противопоставить французской политике английскую в качестве самостоятельного фактора, который в удобный момент мог бы сделаться предметом торга и компенсации со стороны Франции. Эту тактику Ллойд-Джордж применял по отношению к Франции, начиная с Версальской конференции»... (там же, стр. 19).

В первом же заседании глава советской делегации Красин и глава английской делегации — сам председатель правительства Ллойд-Джордж обменялись программными речами.

Красин говорил о необходимости снятия с Советской России блокады морской, финансовой и персональной, о взаимном торговом представительстве, о принятии легальных основ торговли — неприкосненности депозитов и товаров, признания юридических и других официальных подписей и т. п., и требовал прекращения «поддержки Польши. Это последнее требование было обяснено невозможностью создания нормальных условий торговли со стороны Советской России до тех пор, пока будет продолжаться состояние войны с Польшей».

В свою очередь, Ллойд-Джордж изложил свою программу «предпосылок торговых сношений». Он

требовал: возвращения английских плениных, отказа от поддержки враждебных Англии стремлений в Малой Азии, Персии, Афганистане, Индии, Грузии; воздержания от пропаганды и агитации, от поддержки кемалистов (националистов Турции), обязательства не нападать на балтийские государства (Финляндию, Эстонию, Латвию и Литву), не начинать военных действий на Черном море против Крыма и на Каспийском море против Персии. Взамен выполнения всей этой программы Ллойд-Джордж, говорят большевики, «милостиво обещал начать торговать с Советской Россией, но даже и в этом вопросе он не давал каких-либо твердых гарантий, ограничиваясь двусмысленной формулировкой, что «блокада снимается, когда возобновляются торговые сношения».

Как видно, и во время этих переговоров Англия еще заботилась о защите Крыма от большевиков.

«21-го мая», повествует Брангель, «английские войска праздновали день рождения своего Короля». В Севастополе состоялся парад английским войскам. Как проявление особого уважения и дружеских чувств к Брангелю со стороны представителя Англии ген. Перси было следующее: «Ген. Перси», продолжает Брангель, «просил меня принять парад английских моряков и морской пехоты». Брангель принял этот парад. «Парад происходил на историческом бульваре. Отлично, щеголевато юдетье, рослые, здоровые люди производили прекрасное впечатление» (Брангель. Записки. «Белое Дело» т. VI-й, стр. 90).

Но... дипломатический представитель Брангеля в Константинополе Нератов 24-го мая (6-го июня) телеграфировал в Крым о том, «что адмирал де-Робек передал ему о получении им из Лондона приказе задерживать в настоящее время военные грузы, назначенные для Крыма и отправляемые под английским флагом, даже и на русских судах. Грузы, идущие под иными флагами, его не будут касаться. «Это распоряжение», телеграфировал Нератов, «видимо, является средством давления на нас».

Через несколько дней, 16-го июня, Маклаков телеграфировал из Парижа: ...«Вопрос снабжения решен благоприятно, непосредственная, ближайшая опасность временно устранилась».

Однако, Брангель признает: «Хоть в дальнейшем англичане продолжали чинить нам препятствия, но путем личных переговоров в Севастополе, Константинополе и Париже, большинство грузов удавалось, хотя с трудом, доставлять в Крым» (там-же, стр. 97).

Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что Брангель имел весьма активную поддержку со стороны Франции и менее активную, но все же значительную помощь со стороны Англии. Несмотря на это, почти до самого конца мая крымские войска оставались лишь в роли зрителей борьбы Советской России с Украиной и Польшей.

(Продолжение следует).

A. ЛЕНИВОВ.

Полк. В. М. Чернецов

(К 20-И ГОДОВЩИНЕ ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ).

...«Если придется так, что я погибну, что меня повесят большевики, то я буду знать, за что погибну!».

(Из речи В. М. Чернецова в Донском офицерском собрании в Новочеркасске 9-го января 1918 года).

19-й полк нового командира (полковник Васильковский), партизанский отряд был прикомандирован к 2-й сотне есаула Наяряникона. В сентябре 1914 года, Чернецов во главе партии казаков-партизан, произвел однажды ночью отважную разведку в глубоком тылу немецких позиций (у дер. Капустники — Праснышское направление) и захватил немецкую сторожевую заставу в 30 солдат при 2 офицерах. Означенная блестящая разведка послужила началом последующих боевых успехов Чернецова: скоро, в дивизии заговорили о нем, как об одном из храбрейших офицеров.

В конце октября 1914 г., партизанский отряд был переброшен на Рижский фронт, где в скромом времени в бою под г. Либавой погиб смертью храбрых начальник отряда под-есаул Фолимонов. В командование отрядом вступил сотник Чернецов, однако на не-продолжительный срок времени, ибо вскоре началось отступление к Двинску, когда отряд был расформирован по распоряжению штаба Северного фронта. Пребывание в полку на должности субалтерн-офицера, в особенности при начавшемся длительном периоде позиционной войны, совершенно не отвечало кипучему характеру Чернецова, начавшего хлопотать о выдаче ему разрешения на формирование партизанского отряда. Личные заслуги и изрядная боевая известность, много способствовали успеху Чернецова в отношении достижения своих хлопот, в виду получения разрешения на формирование партизанского отряда от командиного 5-й армии ген. Плеве.

Сформированный Чернецовым партизанский отряд из казаков 4-й Донской конной дивизии, в количестве 170 казаков при 4 пулеметах, получил назначение действовать в районе г. Якобштадта впереди позиций 8-го армейского корпуса. Для Чернецова открылось широкое поле деятельности, непрерывные разведки в тылу противника, поиски за р. Двину, многочисленные бои, стычки с немцами, создали славу

В 1890 году в ст. Калитвенской, Донецкого округа, в семье зажиточного казака Михаила Чернецова, по профессии ветеринарного фельдшера, родился мальчик, получивший при крещении имя Василия. Раннее детство последнего прошло в родной станице, когда после домашней подготовки молодой Чернецов поступил в Каменское реальное училище, которое и окончил в 1907 году. В дальнейшем, получив военное образование в Новочеркасском юнкерском училище, Чернецов был произведен в первый офицерский чин в 1909 году, выйдя хорунжим в 9-й Донской казачий полк, имевший своей стоянкой г. Янов, Люблинской губ.

Очень развитой от природы, живой, увлекательный собеседник, Чернецов, появившийся в кругу офицерской молодежи, завоевал не только огромную популярность, но снискал и большую любовь своих соратников. Единственными людьми, постоянно высказывавшими свое нерасположение в отношении Чернецова, являлись полковые командиры! Прямой, чесненный, порой весьма несдержаный на языке, Чернецов никогда не мирился с произволом, злоупотреблениями и т. д., что весьма вредило ему, ибо Чернецов высказывал о замеченном прямо полковому командиру при всяком удобном и неудобном случае. Только подобными фактами можно обяснить беспрестанные переводы Чернецова из полка в полк, ибо каждый полковой командир, улучив благоприятный момент, старался поелику быстрее «сплавить» от себя молодого офицера, имеющего весьма острый язык...

С началом Великой войны, Чернецов оказался в рядах 19-го Донского казачьего полка (4-я Донская конная дивизия). В конце августа 1914 г. из отборных казаков означенного полка был сформирован партизанский отряд под командой под-есаула Фолимонова, причем сотник Чернецов занял в этом отряде должность взводного офицера. С прибытием в

партизанам и их молодому начальнику. Безчисленные боевые трофеи, ряд ранений, одно из коих тяжелое — в щею (у местечка Ближуня — в районе г. Серпухова), Чернецов уже в чине подъесаула имеет все боевые награды, включая орден Св. Георгия и Георгиевское оружие. Безграничная любовь и уважение со стороны партизан-казаков, окружали Чернецова на каждом шагу.

В 1916 г. Чернецов, будучи раненым, находился некоторое время на излечении в г. Москве. Интересный внешностью, одетый всегда в отлично пригнанную форму, Чернецов производил выгодное впечатление и не одна москвичка заглядывалась на него... Как не покажется странным, но Чернецов никогда не пытался ухаживать «в серьез», обращая все в шутку.

Находясь в госпитале, Чернецов регулярно каж-

Полк. В. М. Чернецов.

дый день появлялся к двум часам дня на московских улицах, подкидая расхода учащихся по домам. Облюбовав какую-нибудь щебечущую группу гимназисток, Чернецов знакомился с ними, после чего угощал их пирожными в ближайшей кондитерской. Когда подходило время идти домой, Чернецов рассаживал гимназисток по извозчикам, а сам отправлялся в госпиталь.

Революция застала Чернецова в чине есаула на Рижском фронте: бесчисленные комитеты, советы, агитаторы, прокламации — делали свое дело, солдатская масса, легко распространенная, начала братанье с противником; фронт был наводнен многими тысячами экземпляров большевистской газеты «Окопная Правда». Ни один казак не мог пройтись в одиночку, не рискуя жизнью, всюду были слышны взглясы «кровопийцы», «нагаечники»...

Вдумчиво и с большим тактом Чернецов выполнял свои обязанности в этот тяжкий момент! В описываемые дни Чернецов чрезвычайно строго относился к своим казакам, осаживая несколько их революционный пыл. Несмотря на подобное положение вещей, Чернецов был избран делегатом от казачьих фронтовых частей на второй съезд представителей всех казачьих войск, имевших место в Петербурге с 1-го по 13-е июня 1917 года.

С первого заседания открывшегося съезда, делегаты рядовые казаки выразили недоверие в отношении казачьего офицерского состава. Наоборот среди представителей с мест не замечалось этого явления и казачье офицерство пользовалось большим доверием. Определившееся расхождение надлежало ликвидиро-

вать и эта деликатная задача была возложена на Чернецова, произнесшего яркую и зажигательную речь в защиту казачьего строевого офицерства. Он старался доказать делегатам, что теперь не время сводить счеты друг с другом, а необходимо всем соединиться во-едино и идти рука об руку на защиту Казачества. Речь Чернецова имела необыкновенный успех, почему всяко недоверие со стороны рядовых казаков к офицерам — исчезло и работа съезда пошла успешной...

Далее, родная станица Калитвенская избрала Чернецова своим депутатом на Большой Войсковой Круг. Выступления Чернецова на Кругу сопровождались неизменным успехом, ибо он, являясь от природы хорошим оратором и обладая известной эрудицией, всегда говорил с подъемом, толком и «весом». Одним из замечательных и характерных выступлений Чернецова в качестве народного трибуна, является его выступление на 3-м Большом Войсковом Круге.

Атаман Каледин и М. П. Богаевский, нарисовав картину общего политического положения на Дону, обратились к Кругу с призывом всемерно поддерживать Войсковое Правительство. В результате завязавшихся страстиных прений, Круг принял резолюцию о поддержке Войскового Правительства, но заодно с этим актом категорически потребовал запрашения формировать партизанские отряды, обращаясь в адрес того-же Войскового Правительства. Атамана Каледина резко протестовавшего против подобного решения Круга, поддержал Чернецов (назначенный накануне начальником формирующегося партизанского отряда), который, абсолютно не стесняясь в выражениях, наговорил массу неприятных слов и тем самым заставил Круг снять вопрос о партизанах с дальнейшего обсуждения.

Надлежит указать, что уже в сентябре 1917 года выдвигался вопрос о создании партизанских отрядов на Дону.

В тяжелые страдные дни Ростовского восстания большевиков на сцену вышел есаул Чернецов, обратившийся к Атаману Каледину за разрешением формировать партизанский отряд. И принципиальный противник партизанства, Каледин дал согласие. 30 ноября 1917 года по ст. ст. партизанский отряд есаула Чернецова был сформирован окончательно, который немедленно был двинут в каменноугольный бассейн для борьбы с большевиками.

Угольные районы Донецкого, а в особенности Черкасского и Таганрогского округов, были охвачены волнением с первых дней революции. Временное Правительство, ликвидируя старый полицейский аппарат во всей России, ввело милицию, кроме Донской области. В соответствии с этим, определившиеся беспорядки на рудниках, привели к тому, что падение выработки угля принесло угрожающие формы, чего не мог предотвратить даже специально назначенный комиссар Орлов (от Временного Правительства). Стремясь поддержать известный порядок в каменноугольном районе, Атаман Каледин послал в особенно угрожаемый Макеевский сектор казачьи части под командой ген. Балабина. Однако, подобные меры нисколько не умерили пыт местных большевистских заправил во главе с неким Переверзевым, стараниями которых была провозглашена Донская социалистическая республика 16 ноября — в Макеевском горнозаводском районе. Большевистская агитация встретила большое сочувствие среди населения рудничного района, где ясно обозначились места концентрации местных большевистски настроенных элементов на ст. Дебальцево, слоб. Макеевка, сел. Ровеньки, гор. Александровске-Грушевском и др. Именно в этих местах происходила тайная организационная работа по созданию среди иногородних и рабочих кадров красной гвардии. Одновременно с этим происходила концентрация сил красной гвардии из Москвы, Петербурга, Харькова и т. д., в местностях, прилегающих к Донецкому каменноугольному району.

Чернецов, назначенный комендантом Макеевского района, установив вначале контроль над местными рабочими организациями, стремился поддерживать миролюбивые отношения, что особенно требовал Атаман Каледин. Подобное положение длилось, однако, не долго, ибо шахтеры начали нападать с оружием в руках, на партизан. Смелость Чернецова была изу-

мительной, легендарной... На одном из митингов рудокопов, он сидел на стуле среди накаленной до бешенства толпы, закинув нога на ногу и стеком щелкал по сапогу. Кто-то из шахтеров назвал его поведение нахальным; в ответ толпа заревела! Чернецов быстро появился на трибуне и спросил среди наступившей тишины: «кто назвал мое поведение нахальным?». Ответом служило полное молчание толпы...

Начав беспощадную борьбу с большевиками на всем пространстве огромного горнорудного района, Чернецов с своими партизанами производил беспрестанные налеты на местные большевистские советы. Выходя победителем из всех боевых столкновений с местными большевистскими отрядами, Чернецов следил зорким образом за границей Донской области, не давая возможности нежелательным элементам переходить таковую.

В ночь на 25-е декабря 1917 года, Чернецов произвел свой знаменитый набег на большевиков, сосредоточившихся на ст. «Дебальцево». Большевики были разгромлены на голову, причем партизанами было взято много пленных и оружия. Большой Войсковой Круг, получив известие об этом набеге Чернецова, приказал последнему с своим отрядом немедленно приступить в Новочеркасск для дачи обяснений по поводу своих действий. «Победителя не судят» и Круг, выслушав Чернецова, выразил ему благодарность за защиту Дона... вместо наказания!..

* * *

В Новочеркасске находилось несколько тысяч офицеров. По настоянию Чернецова, Атаман Каледин отдал приказ по гарнизону, предлагая всем офицерам явиться на регистрацию. В преддверии последней, офицерам было предложено собраться в Донское офицерское собрание для ознакомления с общей обстановкой. Призыбы были услышаны и все помещения офицерского собрания были переполнены офицерами, выслушавшими с напряженным вниманием речи Атамана Каледина и М. П. Богаевского. После них, выступил с горячей речью есаул Чернецов, призывающий казачье офицерство стать на защиту Дона, поддержать Атамана Каледина в его тяжелой борьбе и помочь юношам-партизанам, истекающим кровью. Несколько партизан составлявших конвой Чернецова и находившихся при нем, являлись живым укором для офицеров.

Чернецов при напряженном внимании двухтысячной офицерской аудитории, говорил: «Идет жестокая, упорная, кровавая борьба с русскими красногвардейцами, наступающими на наш казачий Тихий Дон!. Но, кто же бьется с ними, рядовые казаки? Нет, они отсутствуют, их нет. На фронте с большевиками боятся под моей командой лишь небольшие горсточки партизан, набранных из рядов казачьей учащейся молодежи. Только всего!

Так обстоит дело на фронте, что же делают в тылу? Пьянство, разгул, произвол, безобразие. В самый решительный, опаснейший момент, в Новочеркасске собрались тысячи офицеров, которые абсолютно ничего не желают предпринимать, как для защиты Дона, так и для себя лично! Это обстоятельство, я характеризую просто, как проявление трусости со стороны господ офицеров».

Точно опущенные в воду, сидели офицеры, и, покрутя головы, слушали резкие, хлещущие по самолюбию слова Чернецова, который продолжал: «Ставка наша в этой борьбе бита, не сегодня, завтра, большевики будут уже в Новочеркасске. Повторяю будут, если мы сами не сумеем им противостоять в их натиске. Приближается смертельная опасность, и что же делает офицерство, находящееся в Новочеркасске? Кутежи по ресторанам, пьянство, картечная игра...

«Господа офицеры, вы все, находящиеся здесь, великолепно представляете суть игры в девятку, не мне обяснять вам. Сейчас, я играю именно в эту игру с большевиками и, что же?.. Пока что, но я, Чернецов, открываю себе неизменно девять или восемь очков, скрывая большевикам в тоже время — полный бак! Знаю безоговорочно, господа офицеры, что настанет тот момент, когда большевики открыв себе девять, сделают мне полный бак. Если придется так, что я погибну, что меня повесят большевики, то я буду знать, за что умираю. Но, если придется так, что большевики будут избивать и вешать вас, исключительно

благодаря вашей инертности, то вы не будете знать, за что умираете вы...»

Быть может завтра в Новочеркасске появятся неизвестные гости — московские и петербургские красногвардейцы, которые закончат игру в девятку, открыв нам всем полный бак!..

Я, Чернецов, знаю, что я погибну и, знаю за что, но вы, когда будете гибнуть, попадете прямо, как кур во щи. Я спрашиваю вас всех, что вы считаете лучшим выходом из положения, — ждать, когда придут большевики и передушат вас по одному, или же погибнуть с честью. Мой совет, если суждено погибать, то гибнуть надлежит красиво, с оружием в руках. Всех честных, смельких, сильных духом, всех, в ком не заглохло чувство совести, кто любит породивший всех нас Тихий Дон, зову к себе в партизанские ряды».

Результат был весьма плачевный. Из 2.000 присутствовавших офицеров, записалось всего 27 человек, потом после устроенного перерыва запись достигла цифры 119 офицеров. На следующий день на вскзал, для отправки явилось 30 офицеров, а в «Лихую» в Чернецовский отряд прибыло всего 7 офицеров!

Иное происходило в среде казачьей учащейся молодежи гор. Новочеркасска, где клич Чернецова был услышан.. В ряды Чернецовского отряда вступило свыше 200 кадет, гимназистов, реалистов, семинаристов, коммерсантов, юнкеров и т. д., в результате чего Чернецов сформировал две новых сотни партизан.

После смотра Атаманом Калединым отряда Чернецовских партизан в день 19-го января (по ст. ст.) 1918 года, Чернецов во главе последних выступил в свой т. н. 2-й поход на север. Не останавливаясь на промежуточных станциях, отряд в эшелонах прибыл на рассвете 14-го января в Сулин. Положение в этом районе (гор. Александровск-Грушевский, ст. Сулин, ст. Горная) — было необычайно тревожное, в связи с образованием в ст. Каменской военно-революционного комитета казачьих фронтовых частей. Настроение рабочих Пастуховского металлургического завода в Сулине было явно большевистское, причем, будучи возбужденные прибытием Чернецовских партизан, рабочие было сделали попытку к разоружению последних.

На рассвете 15-го января эшелоны Чернецова вышли из Сулина в направлении к ст. «Лихой», каковая после короткого боя с казачьими большевистскими частями (Подтелков), была занята Чернецовыми. Тем временем, в тылу произошло следующее: со стороны ст. «Гуково» (Екатерининской жел. дор.) подошли два эшелона красногвардейцев, которые выгрузились из вагонов, рассыпались в цепи и повели наступление на ст. «Зверево», защищаемую полусотней Чернецовских партизан под командой подесаула Романа Лазарева. После сильного ожесточенного боя, последний вынужден был начать отход в сторону Сулина, оставил «Зверево», занятую тотчас красной гвардией. Получив известие об отходе Лазарева, Чернецов оставил небольшой заслон на «Лихой», бросился с остальными партизанами к «Зверево». Большевики, завидя приближение Чернецовских эшелонов, не приняли боя и, покинув «Зверево», начали поспешный отход к ст. «Родаково».

Перейдя на рассвете 16-го января со ст. «Зверево» на ст. «Лихую», Чернецов, оставив небольшой заслон на последней станции, вечером того же дня, передвинулесь несколько на север, где в сильном ожесточенном бою у полустанка «Северный Донец», разбил на голову большие силы пришлой красной гвардии, заняв с налета ст. Каменскую на рассвете 17-го января. Между тем, определилось продвижение эшелонов красной гвардии по линии Екатерининской жел. дор. к ст. «Зверево», и по линии Северо-Донецкой жел. дор. к ст. «Лихой». Имея сильные бои с красногвардейцами у станций «Зверево» и «Замчалово», партизанские гарнизоны последних, соединившись с партизанами, оставленными на ст. «Лихой», начали отходить к полустанку «Северный Донец». Занятие большевиками означенных станций имело чрезвычайно важное значение, ибо тем самым прерывалось железнодорожное сообщение между ст. Каменской и Новочеркасском, причем Чернецовский отряд оказался совершенно отрезанным. Чернецов, продолжая

отбиваться от большевиков наседавших с севера на ст. Каменскую, высал Курочкина с полутора сотнями партизан, разбив в жестоком штыковом бою несколько тысяч красной гвардии, овладел ст. «Лихой», захватив 6 орудий, 26 действующих пулеметов и несколько сот красногвардейцев.

Знаменитый этот бой был должным образом отмечен со стороны Атамана Каледина, Войскового правительства и Войскового Круга. Все партизаны получили нашивки младшего урядника и Георгиевские медали 4-й ст. Сам Чернецов был произведен в чин полковника, причем М. П. Богаевский мотивировал необходимость нарушения порядка производства через чин. Атаман Каледин, выслушав М. П. Богаевского, заметил: «Об этом не извольте беспокоиться. Своей деятельностью Чернецов, давно уже заслужил чин генерала!».

**

Т. н. Глубокинская операция Чернецова состоит из целого ряда боев, в которых партизанами впервые была применена система обходов. В частности 1-й бой у ст. «Глубокой» (Юго-Восточная жел. дор.) представляет собой момент, когда вооруженная борьба между большевиками и партизанами, носившая характер железнодорожной войны, сменилась определенным характером полевой войны.

Ген. Усачев командующий войсками Донецкого округа получил от лазутчика-офицера (сотн. М. Попов) сообщение в день 17-го января: «Из революционно настроенных казаков 27, 44, Лейб-Казачьего, Атаманского и 2-го запасного полков, войсковой старшина Голубов спешно сколачивает конную боевую группу, которая через несколько дней, при поддержке уже подошедшей из Луганска и Воронежа красной пехоты, двинется на Новочеркасск. Пехота — со станции «Глубокая» по попутну железнодорожной дороги, по льду через р. Донец на ст. Каменскую; конница — через хутор Карапеев Гундоровской станицы ударить на станцию «Лихая», обходя с тыла полк. Чернецова с его стрядом в Каменской и выходя на прямую Лихая — Новочеркасск, сто с лишним верст, — что равносильно гибели Новочеркасска, так как, кроме Чернецова, на этой короткой линии уже никто не сможет удержать Голубова от вторжения в него».

19-го января в ст. Каменской состоялось военное совещание, в коем приняли участие полк. Чернецов, есаул Р. Лазарев, ген. Усачев, полк. Морозов (командир вновь сформированной 4-й сотни Чернецовских партизан из казачьей учащейся молодежи в ст. Каменской). На совещании было принято решение, произвести наступление на следующий день (20-го января) на ст. «Глубокую» (в 20 верстах на север от ст. Каменской) и ликвидировать находившийся там красногвардейский отряд Макарова, численностью в 1.000 штыков при 3 орудиях и полутора десятках пулеметов, а также выездную сессию Воронежского реввоенсовета и трибунала, а также карательного отряда Воронежских рабоюих.

Диспозиция, намеченная к исполнению заключалась в следующем: есаул Роман Лазарев с 2-й и 3-й сотнями партизан при 1 орудии, должен был подойти по железной дороге от ст. Каменской к ст. «Глубокой», точно к 12-ти часам дня 20-го января и атаковать в лоб красную гвардию; к тому же намеченному сроку времени сам Чернецов, имея с собой 4-ю вновь сформированную сотню партизан и офицерскую полусотню (полк. Морозов) при 1 орудии, предполагал атаковать ст. «Глубокую» с севера и испортить железнодорожный путь между последней и ст. «Тарасовской», двигаясь походным порядком из ст. Каменской. Операция была рассчитана на полную ликвидацию большевиков, находящихся на ст. «Глубокой».

Тщательным образом готовились партизаны к предстоящему набегу, был даже реквизирован легковой автомобиль, где были приторочены два пулемета, так-сказать партизанская импровизация бронеавтомобиля.

В шесть часов утра 20-го января обходная колонна партизан под командой Чернецова, двинулась из ст. Каменской в поход. Сиреневатая снежная мята, сопровождаемая пронизывающим туманом. Совершив переправу по льду через р. Донец, партизанская колонна, ведомая проводниками, открыла дви-

жение... Пройдя 9 верст пути, Чернецов заключил, что проводники ведут колонну по неправильному пути: отставив проводников, Чернецов повел сам колонну, руководствуясь компасом. В конечном итоге, потеряв драгоценное время и проблуждая безцельным образом по степи, Чернецов смог вывести своих партизан лишь к четырем часам дня к холму, в трех верстах на северо-восток от ст. «Глубокой».

В период времени от 18-го января произошли большие изменения в большевистском стане, именно, штаб т. н. 1-й южной советской армии во главе с «командарром» Петровым перешел со ст. «Миллерово» на ст. «Глубокую», там-же сосредоточилась большевист-

Могила полк. В. М. Чернецова.

ской казачьей дивизия с Н. Голубовым и Подтелковым. В соответствии с концентрацией большевистских сил, последние, утром 20-го января начали наступление на ст. Каменскую, почему есаул Р. Лазарев не смог быть к назначенному сроку у ст. «Глубокой».

Фатальное стечье неблагоприятных обстоятельств усугублялось тем, что движение обходной колонны Чернецова было открыто заранее большевиками, почему партизаны, выйдя к вышеозначенному холму у ст. «Глубокой», попали под обстрел большевистской батареи, стрелявшей весьма метко... Выполняя приказание Чернецова, партизаны, рассыпавшись в цепи, начали стремительное наступление вперед к железной дороге. Невзирая на упорное сопротивление большевиков, поддерживающих весьма интенсивный винтовочный и пулеметный огонь, имея свое орудие негодным к дальнейшему бою вследствие порчи ударников, партизаны во главе с Чернецовыми, выйдя на линию ветряных мельниц, ударили в штыки. Штыковая схватка была весьма непродолжительной, большевики бежали и вокзал ст. «Глубокой» оказался в руках партизан.

Однако, к месту боев подошли свежие силы красной гвардии, которые окружили со всех сторон станционный район, занятый партизанами. Вновь завязалась упорный бой, порой доходивший до рукопашной схватки. Ценою сильных потерь, Чернецов с шестьюдесятью партизанами отбился от большевиков и начал отход к холму, где стояло на позиции партизанское орудие: офицерская полусотня с полк. Морозовым прорвала линию большевистских окопов в южном направлении и, пройдя через попутно железнодорожной дороги, начала отступать к ст. Каменской.

Расположив своих партизан у холма, Чернецов устроил летучее военное совещание из офицеров, бывших с ним. Около 8-ми часов вечера внезапно началась сильная винтовочная и пулеметная стрельба в районе холма, занимаемого партизанами, сопровождаемая порой громкой бранью и криками «ура». Долое время никто из партизан не мог уяснить сути происходившей перепалки. Спустя час, когда имевший место бой закончился выяснилось, что в вечерней темноте наскочили друг на друга две цепи красногвардейцев, имевших задачей окружить холм с находившимися на нем партизанами.

Около девяти часов вечера Чернецов приказал всем партизанам собраться на опушку рощи у холма, где и объявил о том, что ночевать партизаны будут в «Глубокой», занятой большевиками. Соблюдая меры предосторожности, партизаны подобрались к поселку, где и заночевали в церковных строениях, в каких-нибудь двухстах саженях от большевиков, сгрудившихся на ночь в станционном районе. Чернецов, бодрствуя всю ночь, самолично проверяя часовых и погевые караулы, поднял на рассвете своих партизан и двинулся в ст. Каменскую, по шляху!

Около 9 часов утра, партизаны вышли к железнодорожному перегону, где Чернецов, остановив свою маленькую колонну, приказал дать несколько выстрелов из исправленного орудия в виде прощального приветствия партизанам, погибшим в бою у ст. «Глубокой».

Бедя партизан к ст. Каменской, Чернецов испретано всматривался в даль, причем войдя в балку сколько хут. Гусева (ст. Калитвенской), выслал боковые конные разъезды из юнкеров-артиллеристов. Спустя некоторое время были замечены какие-то разъезды, мгновенно скрывшиеся из виду. Около получаса движение партизанской колонны совершалось без каких-либо происшествий, когда вновь показались на сей раз многочисленные конные разъезды, вслед за коими на встречу партизанам двигалась, большая масса конницы. Между встретившимися разъездами завязалась перестрелка, конница развернула лавы. Чернецов приказал одному из юнкеров немедленно подскакать к лаве и передать, что с казаками Чернецов не воюет, почему пусть казаки идут на ст. «Глубокую», а партизаны пойдут своей дорогой в ст. Каменскую. Казаки, однако, не дослушали предложения и открыли винтовочный огонь...

Раздалась звенившая, отрывистая команда Чернецова: «Партизаны, пли!.., грянул залп. Казачьи лавы рванулись в стороны, в образовавшийся прорыв вылетела на карьер лейб-гвардии 6-й Донская батарея, открывшая беглый огонь в упор!

«Шашки вон, пики к бою» прохрипел низким басом Николай Голубов. Взметнулась ввысь снежная пыль под копытами, бросились «на намет» казачьи лавы в атаку! «Партизаны, пли!.., вновь команда Чернецова: «Пли», два сухих отрывистых залпа, мельнули вбок лошадиные морды, казаки бросились наутек!..

Выдвинув вперед пулеметы и орудия, казаки принялись методично расстреливать партизан, которые не имели в действии ни своих пулеметов (все три были заклинены), ни орудия (у которого было сломано стреляющее приспособление)… В довершение всего, Чернецов был ранен в ступню левой ноги, один за другим падали партизаны, сраженные казачьими пулями… Зная, что патроны у партизан были на исходе, Чернецов приказал подполк. Миончинскому с конными юнкерами-артиллеристами пробиваться в ст. Каменскую, а сам с пешими партизанами отстреливающимися последними патронами, начал отходить в овраг, послав одного казачьего юнкера в хут. Гусев: «Скачите в хут. Гусев, соберите стариков. Я отхожу в овраг. Спешите, партизанам нечем отбиваться!..

К партизанской цепи подскакал казак, крикнувший: «Сдавайтесь!..» Получив в ответ от Чернецова: «Партизаны не сдаются!..»

«Патронов нет, все расстреляны» — доложил тихим голосом старший офицер Чернецову!

В этот момент, к партизанам подехали трое казаков с белым флагом на пике, причем один из них прокричал: «Войсковой старшина Голубов заверяет честным словом офицера и казака, что партизаны, прекратив стрельбу, будут пропущены в ст. Каменскую». Чернецов запросил: «Кто говорит?..» «Подхорунжий

Подтелков — последовал ответ… «Согласен» — крикнул Чернецов, отдав команду партизанам: «Не стрелять!..»

К партизанам, сгрудившимся в овраге и окруженным со всех сторон массой конных казаков, подехал Голубов в полушибке без погон и заячьем капелюхе, проговоривший: «Трудовое казачество требует Вашего арестования, полковник, а партизаны будут освобождены». «Хорошо, я на это согласен» — ответил Чернецов. «Оружие положат обе стороны» — заявил Голубов и, приказал казакам сложить свои винтовки на землю, вслед зачем последовало аналогичное приказание партизанам со стороны Чернецова.

«П-и-и» — раздался громкий крик. Из-за бугра выпетело человек восемьдесят конных казаков с обнаженными шашками и бросились на партизан, начав нещадно избивать их!...

«Войсковой старшина, а Ваше слово Донского казака?» — задал вопрос Чернецов. «Ну, полковник, на войне — как на войне», — улыбнувшись, ответил Голубов...

Совершенно раздетье, в одном нижнем белье, ступая босыми ногами по мерзлому снегу, партизаны, нещадно избиваемые нагайками и прикладами, были направлены на ст. «Глубокую». Впереди ехали верхом Голубов и Чернецов, сильно страдавший от полученного ранения в ногу. Сзади пленных партизан, двигались 27 и 44 полки в конном строю, с 6-й Донской гвардейской батареей. Где-то вдалеке гремела артиллерийская канонада. Как оказалось в дальнейшем, это наступали две сотни Чернецовских партизан под командой есаула Романа Лазарева, разбивших красную гвардию в бою у разъезда «Погорелово» и преследовавших последнюю до ст. «Глубокой».

В момент, когда колонна пленных партизан приближалась к полотну железной дороги, внезапно, в сумерках уходящего дня, вспыхнуло пламя из паровозной топки и, из-за поворота вышел длиннейший большевистский эшелон с орудийной платформой сзади, причем пушка непрерывно стреляла. К Голубову, подехал конный дозор, привезший донесение, прочитав которое, Голубов заявил Чернецову: «Лазарев с партизанами ведет наступление по железной дороге на ст. «Глубокую». Напишите ему приказание о приостановке наступления и передаче мне ст. Каменской. Взамен сего, я не отдаю Вас с партизанами на расправу красногвардейцев, а передам на суд военно-революционного трибунала. Записку повезут четверо казаков и двое пленных партизан». Чернецов написал на листке из блокнота, следующее: «1918 г. 21 января. Я, Чернецов вместе с частью своих партизан, взят в плен. Во избежание ненужного кровопролития, прошу вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковник Чернецов». В конечном итоге, последняя записка Чернецова, была доставлена и вручена ген. Усачеву — Выряковым, урядником 27-го Донского казачьего полка.

Голубов, послав с казаками записку Чернецова, был вскоре заменен подехавшим Подтелковым — председателем Каменского казачьего военно-революционного комитета, взявшим с своим конвоем охрану Чернецова и партизан: Голубов с казачьими полками и батареей пошел рысью на юг к ст. Каменской.

Жестко издеваясь над пленными, Подтелков, приказав своим конвойцам открыть винтовочный огонь по партизанам, заставил последних перейти вброд полузамерзшую речку Глубокую, в результате чего несколько партизан было убито и ранено. Чернецов, не будучи в состоянии перенести глумление со стороны Подтелкова, воспользовавшись моментом, когда последний крикнул подехавшим двум всадникам: «Кто такие?», опередил ответ последних, закричав: «Это наши, вперед, ура!» и ударив кулаком в физиономию Подтелкова, выбил последнего из седла на землю.

«Ура-а-а», закричали партизаны, бросившись на конвойных казаков, которые обезумев от животного страха, бросились врассыпную...

Часть партизан, добежав до полотна железной дороги и увидав красногвардейский эшелон, почему-то вообразила, что это партизаны с Романом Лазаревым.. Забравшись на ходу в вагоны, партизаны определив свою ошибку, начали страшную рукопаш-

ную схватку с большевиками, испуская громкие крики «ура».

Пришедшие в себя конвойцы во главе с Подтелковым, носились по степи, нещадно рубя настигаемых партизан: доткан был и Чернецов, скакавший на жалкой клаче.

В момент, когда Подтелков ударил нагайкой Чернецова, последний, выхватив браунинг из бокового кармана своего пулушубка, выстрелил в Подтелкова, но... но произошла осечка и выстрел не раздался! Получив от Подтелкова шашечный удар по лицу, Чернецов упал с коня на землю, где и был дорублен остальными казаками... В дальнейшем труп Чернецова был подобран казаками-стариками, прибывшими из хут. Гусева и похоронен.

**

«Я люблю красивую жизнь» — часто говорил Чернецов, несравненный знаменитый Донской партизан и, действительно, он не только красиво жил, но сумел и умереть красиво!... Чернецов — это казачий рыцарь без страха и упрека...

Жестоко отомстили Чернецовские партизаны за гибель своего вождя, в жестоких кровавых боях с красной гвардией, в период от 22 января по 9-е февраля под ст. «Гулубокой», ст. «Лихой», ст. «Гуково», ст. «Заповедно», гор. Александровск-Грушевским, хут. Ново-Грушевским, ст. «Каменоломней», ст. «Персияновкой». В дальнейший период, остатки Чернецовского отряда под командой сотника Курочкина и есаула Лазарева присоединились к ген. Корнилову и, проделали весь 1-й Кубанский Поход. В дни гибели ген. Корнилова и неудачного штурма Екатеринодара Чернецовские партизаны ворвались в Екатеринодар со стороны Черноморского вокзала и дошли до Сенной площади!

Некоторое количество Чернецовских партизан, не присоединившихся к ген. Корнилову, пошли в стадный Степной Поход, высоко держа поднятое знамя Казачества в кровавых боях с красными русаками.

Весной 1918 года разразилось восстание Донского Казачества против большевиков. Собрался «Круг Спасения Дона» утвердивший Войсковую власть. Стало святым ими Чернецова и его партизан, первых бойцов за Казачью свободу...

Вновь избранный Войсковой Атаман ген. Краснов, отказавшийся принять участие в восстании Донских казаков, говоря, что «он не верит казачьей словоцчи» и скрывавшийся переодетым в женское платье, под видом гадалки в ст. Константиновской, проливал крокодиловые слезы, издавая по Всевеликому Войску Донскому приказ № 130 от 26 мая 1918 г. — о погребении тела Донского партизана полковника Чернецова... Неправда, что Чернецов погиб во имя России, вся его деятельность, все его речи, все его поведение — указывают, что сражался он — Чернецов и они — его Чернецовские партизаны — за Волю и Вольность, за Славу и Честь Донского Казачества!

«Не был барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с прощальным ружейным огнем,
Мы в недра земли опустили...».

Играл Войсковой оркестр траурный марш, когда мы, остатки Чернецовских партизан, прибывшие с позиций в Новочеркасск к дню 26-го мая, шли по чер-

касским улицам, сопровождая отысканный прах Чернецова на кладбище, под гул артиллерийской канонады в Ростова и в Задоны

Многое уже покоялось Чернецовских партизан в могилах т. н. партизанского кладбища (часть Ново-черкасского кладбища), увенчанных простыми деревянными крестами, явился возглавить их — сам Чернецов, вождь Донских партизан... Раздался троекратный прощальный ружейный залп Чернецовских партизан, смененный громкими рыданиями мужественных бойцов...

С кладбища, двинулись вновь: — «Вниз по Крещенскому спуску» — Чернецовские партизаны, спеша попасть на вокзал для разъезда по своим боевым частям...

**

В начале февраля 1919 года, в одной из зал Донского офицерского собрания состоялось учредительное собрание «Общества Чернецовцев» — председателем коего был избран доблестный есаул Брыкин (1-й сотни Чернецовских партизан). Спустя две недели, состоялось общее собрание «Общества Чернецовцев», вынесшее постановление: «обратиться к Войсковому Атаману с ходатайством о разрешении формирования 2-го партизанского отряда имени полк. В. М. Чернецова, кадром коего послужит личный состав «Общества Чернецовцев», — в минуту грозной опасности для Дона (большевики были вновь в нескользких десятках verstах от Новочеркасска).

Испрашиваемое разрешение было выдано, и в Новочеркасске быстро сформировался 2-й партизанский отряд имени полк. В. М. Чернецова под командой есаула Брыкина, председателя «Общества Чернецовцев», в составе 4-х пеших сотен, 1 конной сотни, телефонной команды, пулеметной команды и батареи, всего в количестве 580 человек.

Будучи включены в состав партизанского корпуса ген. М. Ф. Семилетова, Чернецовские партизаны в половине марта 1919 года заняли позиции на р. Донце, где им пришлось выдержать ряд тягчайших боев с частями конного корпуса Миронова, переправившегося через р. Донец под ст. Усть-Белокалитвенской. В бою под Васильевским рудником, был убит пулей в лоб доблестный есаул Брыкин.

20-го апреля 1919 года на Донце, у хутора Муравьева, станицы Калитвенской (родина Чернецова), Чернецовские партизаны, следуя почину командира конной сотни храброго сотника Земцова (повешен в Северной Таврии в 1920 г. — по приказу ген. Кутепова), бросились в штыки и шашки и, разбив большевиков, потопили в р. Донце полностью 200-й, 202-й и 4-й Царицынский советские полки и конный дивизион Колесова, захватив бесчисленные военные трофеи!

**

Вспоминая 20-ую годовщину трагической гибели полк. Чернецова — доброго начальника, верим, что в грядущие дни вновь встряхнутся оставшиеся в живых Чернецовские партизаны, создастся 3-й партизанский отряд имени полк. В. М. Чернецова и будет создан нерукотворный памятник Чернецову — обособлением и установлением Независимости Казачества!. Да будет так!

...Вечная слава, вечная память полк. В. М. Чернецову и его убиенным соратникам!..

Выше голову, оставшиеся в живых Чернецовские партизаны!..

КАЖДЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ЛЮБИТЬ ВСЕ КАЗАЧЕСТВО БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЕБЯ САМОГО — ОДНОГО КАЗАКА.

КАЖДОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО ДОЛЖНО ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ ВОЙСК ПОСТАВИТЬ ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ СВОИХ — ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ ОДНОГО ВОЙСКА. ЭТО БУДЕТ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, И НАИЛУЧШЕЙ СЛУЖБОЙ СВОЕМУ ВОЙСКУ, ИБО

СПАСЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И ЕГО ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ — В ОБЪЕДИНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В ОДНУ СИЛЬНУЮ КАЗАКИЮ.

ВНЕШНИЙ МИР С КАЗАЧЕСТВОМ РАЗЪЕДИНЕННЫМ ГОВОРИТЬ НЕ БУДЕТ. ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕНОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТАВАТЬ НА ТО, ЧТО ВНЕШНИЙ МИР БУДЕТ СЧИТАТЬСЯ С ЕГО ИНТЕРЕСАМИ, ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕНОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТАВАТЬ НА ПОМОЩЬ ВНЕШНЕГО МИРА В БОРЬБЕ СО СВОИМИ ПОРАБОТИТЕЛЯМИ.

ПОЛИКАРП КВАЧ.

Начало борьбы

Вечерело. Начало ноября 1917 года. По улице станицы Н-ской шел стройный человек, в форменной учительской шинели, в казачьей шапке, несколько надвинутой на глаза... Видно было, что он принадлежит к военным, о чем говорила его выправка.

Это был сотник Яков Герасимович Дарда, местный казак, учитель, заведывающий Михайловским одноклассным училищем. Он только вчера приехал из полка, демобилизованный как штатный учитель. Сейчас он шел в местный станичный клуб, в котором не было три года, т. е. с того времени, как был призван на войну. По дороге встречались и старые, и молодые станичники, здороваясь с ним, спрашивая о «политике», о «свободе»....

— Погано буде нам, козакам, — закончил свои распросы седобородый Влас Подорожняк, — даже тут дрехтур (директор) гимназии страшает нас.

Уже совсем стемнела, когда Дарда подошел к клубу. В раздевальне, снимая пальто, встретил завсегдатаев клуба, любителей игры на биллиарде. А так как Дарда тоже был любитель, то скоро сговорился о партии.

Когда он вошел в залу, то заметил, что она была полна. Много было людей, которых он знал раньше, но были и совсем ему не знакомые. Стоял общий шум. Во всех углах шел разговор и все о том же: о революции, о свободе, о будущей «райской» жизни. В стороне за столиком сидело четыре офицера, среди которых Дарда узнал есаула Н..., помощника командира Н-ского пластунского батальона, частично расквартированного в станице и начальника местного гарнизона, которому он сегодня утром представлялся.

Сотник Дарда уже собирался направиться в биллиардную, где было и светлее и меньше накурено, но невольно обратил внимание на группу людей, о чем то оживленно беседовавших.

Подошел ближе. Никого из них он не знал. Все это были люди, поселившиеся в станице во время войны, но уже достаточно обжившиеся и считавшие себя дома, а с момента «бескровной» проявляли и хозяйственные «замашки». Они окружили стол, за которым сидело несколько человек, а среди них выделялся худой человек в учительской форме. Волосы его были всклокочены. Лицо в морщинах. Рот и нос, на котором еле держалось пенсне, напомнили хищника. Неприятное ощущение овладело Дардом. Это был директор местной гимназии, «всего год, как назначенный» сюда. Он говорил горячо и когда Дарда прислушался, то услышал:

— Вы же только посмотрите, какое безобразие происходит! Пролетариат сражается на фронте с налегающими капиталистами, а казаки сидят дома, формируются....

— Э, — подумал Дарда, — таких речей из самого Киева не слыхал. Забавно, — и он протиснулся ближе к столу.

— Мало того, — продолжал Пахомов, — что спят они здесь и наедают морды, да еще притесняют бедный трудовой пролетариат. Ничего, когда восторжествует революционная справедливость, то мы укажем каждому свое место. Сделаем так, что всем будет хорошо и не будут куркулии командовать и измываться над честным пролетариатом.

— Ой-ли, — сказал кто то....

— Можно не ойкать преждевременно, — с сарказмом сказал Пахомов и, приподнявшись, уже стоя, начал говорить дальше.

— Если будет так продолжаться, — продолжал он, — то для чего же мы, борцы за революционную справедливость, страдали? Для чего же мы боролись? Для того, чтобы казаки по-прежнему притесняли бедный народ, пролетариат? Нет, пока я председатель исполнительного комитета я не допущу этого.

Шум в зале несколько утих и было заметно, что все слушали то, что говорил Пахомов. Заметил это и он сам и это придавало ему бодрости. Пенсне скрывало его глаза, но временами, при повороте головы, они сверкали какой то необъяснимой злобой...

— Я завтра же, — уже стоя продолжал он, — прикажу атаману станицы собрать митинг и завтра же решим за кого мы: за трудовой народ, за пролетариат, или же за эту разбойничью Раду, да всяких там контрреволюционеров Билых и Рябых волов, Бардигей и пр....

Дарда слушал и удивлялся, как это никто не найдется, чтобы заговородить ему горло. Ведь и в полк являлись такие «оратели» и простые казаки так хорошо умели их заставить молчать....

— А ведь правду он говорит, — раздалось над самым ухом Дарды.

Он обернулся. Ему отвратительно улыбалась физиономия почтового чиновника.

— Значит, граждане, так и знайте. Завтра соберем митинг и завтра же я добьюсь здесь перемены, чтобы положить предел разнуданности местного атамана и приступим к формированию милиции... Завтра...

— Это же, собственно, кто вы? Какую милицию будете формировать и для какой цели? — спросил спокойным голосом Дарда.

Глаза Пахомова загорелись. Видно было, что такой вопрос, сказанный спокойным голосом, вывел его из себя. Он, повышая голос, продолжал:

— Кто мы? Борцы за свободу и правду. Защитники трудового народа, защитники пролетариата....

— Гм... — с усмешкой сказал Дарда, протиснувшись к столу. — Здесь у нас как раз все трудовой народ. Казаки — народ трудовой, но в опеке и защите вашей не нуждаются. Вероятно, и завтра на ваш митинг не пойдут.

— Кто вы такой? — перебил сотника Пахомов, — и на каком основании вы говорите со мной таким тоном? — закончил он со злобой в голосе.

— Я местный казак, сотник, учитель, заведывающий Михайловским одноклассным училищем. Только вчера прибыл из полка, демобилизованный как штатный учитель. Что же касается тона, каким я говорю с Вами, то том вполне приличный, корректный, вежливый и я до сих пор не знал, что говорят с вами вежливо, как полагается культурному человеку, нужно иметь еще и какое то право... Вам бы, вот, следовало несколько изменить, как сам тон, так и смысл всего того, что вы говорите....

Еще внимательнее слушал есаул и офицеры, сидевшие в углу, эту дискуссию и только сейчас есаул узнал в говорившем бравого сотника, который сегодня утром представлялся ему, как начальнику гарнизона.

Пахомов не сдавался.

— Стоило тебе его трогать, — говорит Дарда шагом учитель Свириденко. — Да знаешь, что он сделает завтра?...

— Ничего, — громко ответил Дарда. — Если залетные птицы будут лезть в наше житье, а мы будем бояться указать им свое место...

— Нет, я вам, господин сотник, укажу ваше место, — почти крича, с сарказмом, сказал Пахомов.

— Нет, Яша, — не отставал от Дарды Свириденко, — не нужно было с ним поступать так. Ты не должен забывать, что он председатель исполнительного комитета и...

— Исполнительного, но не законодательного, — соприял Дирда...

— Нет, знаешь, — не унимался Свириденко, — он большую силу имеет. Лучше было бы его не трогать, а то он сожрет тебя....

— Подавится. А свои силы мы попробуем, поборимся.

В голосе грозившего звучала решительность. Это заметил Свириденко и как бы между прочим бросил:

— Да, бороться можно....

• • • • •

Уже другую партию играл на биллиарде Дарда, а директор гимназии Пахомов все говорил перед восторженными слушателями — приказчиками, почтовыми чиновниками и прочими «борцами за свободу», о «рево-

люционной справедливости» и прочих модных вещах того времени. Оратор не замечал того, что сидевшие в углу офицеры внимательно его слушали и время от времени есаул говорил что то молодому хорунжему, а тот записывал в блокнот.

Наслушавшись директора, есаул решил завтра же пригласить его к себе и поговорить с ним....

Было уже около одиннадцати часов, когда Дарда вышел из клуба. На душе было нехорошо, хотя он и выиграл несколько паргий. Он медленно пошел по бульвару. Была та прекрасная звездная ночь, которые бывают только на юге. Тут, на бульваре, было тихо. Только две—три, запоздавших парочки сидели на лавочках. Но станица не спала, и когда Дарда, отдохнувши на бульваре, шел домой и свернул с площади в улицу, он уже ясно слышал знакомые звуки казачьих песен, доносившихся издалека. На улицах же, прилегающих к площади, было тихо. Спали беззаботным сном казаки и только, вероятно, повесы распевали где то на окраине. Медленным шагом приближался он к дому, а думы в голове роились, одна другую перегоняя. Не веселые были думы.

— Вот спит станица, — думал Дарда, — а там, в клубе, пришелец-чужак завтра думает проявить «революционную справедливость», указать «каждому свое место»... трудовой народ защищать...

Радостный лай кабеля Разбоя, прервал его мысли. Он только сейчас заметил, что был у своего дома. В доме все спали. С тяжелыми мыслями заснул и сотник Дарда.

— * —

— Господин есаул!, прийшов дірехтур і сирдитий ходе по каліндorum, — доложил дневальный есаул, который, просматривая бумаги, допивал чай...

— Ты говоришь сердитый ходит по коридору? — переспросил есаул дневального.

— Так точно, сердитый...

— Ну, если сердитый, то пусть походит, успокоится... Скажи ему — пусть подождет, — сказал есаул дневальному.

— Слушаю, — и дневальный вышел.

Есаул не был плохим человеком, но его возмутило то, что директор Пахомов, которого он пригласил побеседовать, указать ему, как человеку интеллигентному, но чужому в казачьем kraю, что все то, что он здесь проповедует, никому не принесет пользы, а вред, и в первую голову, самому директору, — прия сюда «сердитый ходе по каліндorum»....

Однако, думая, что все же он немного успокоился, ходя по коридору, позвал дневального и приказал пригласить директора.

Вошел директор. Есаул встал. Приветливо поздравившись, пригласил директора сесть.

С некоторым шумом опустился директор на стул и застыл в вызывающей позе. Еще идя к начальнику гарнизона, он принял решение, что будет на «допросе» отвечать «нет» или совсем не отвечать. Он думал, что после «схватки» с «золотопогонщиком», в которой он обязательно будет победителем, его авторитет еще

больше подымится. Теперь, развалившись небрежно на стуле, он думал, что сейчас явятся еще ал'ютанты и начнется допрос. Ему предоставляется случай пострадать за правду...

— Хотите стакан чаю? — спросил есаул и этим неожиданным вопросом прервал мысли директора.

— Чая? Чая, пожалуйста, с удовольствием, — ответил директор и сам не узнал своего голоса, так он не был похож на голос борца за «революционную справедливость»....

Вестовой принес два стакана горячего, крепкого чаю. Один поставил перед есаулом, другой — перед Пахомовым.

Когда вестовой вышел, есаул заговорил:

— Я пригласил вас, — начал есаул своим мягким, приятным баритоном, — чтобы поговорить с вами относительно вчерашних ваших речей в клубе... как бы сказать вам... (он подбирал слова по-мягче) ненужных речей... Такие речи могут иметь плохие последствия...

— Как, позвольте! — перебил есаула Пахомов, — я должностное лицо — председатель исполнительного комитета. Кто может угрожать мне?...

— Я не угрожаю вам, — продолжал с улыбкой есаул, — а предостерегаю вас. Тот же митинг, который вы намерены сегодня созывать, может вас лишить должности....

— Но, ведь, это же будет несправедливо, — нервно перебил есаула Пахомов.

— Глас народа — глас Божий!...

— Какого народа? — с иронией в голосе спросил Пахомов.

— Как какого народа? — удивленным тоном переспросил есаул и тут же добавил: — народа, населения станицы. Не могут же дзядцать сапожников и портных и столько же приказчиков, командовать многотысячной станицей? Ведь революция провозгласила — вся власть народу, а у казаков всегда власть принадлежала народу.

Отпив несколько глотков чаю, уже остывшего, есаул продолжал:

— Потом, все те теории, которые мы воспринимали, будучи студентами (Пахомов удивленно посмотрел на есаула), при проведении их в жизнь, оказались не-пригодными. В студенческие годы все это казалось идеальным, когда доктрины подвергались дискуссиям в студенческих кружках....

Пахомов только теперь заметил на правой стороне груди есаула, на черкеске, выше газырей, голубой университетский ромб. Его это так поразило, что он подумал: «уж никак не думал, чтобы этот золотопогонник мог быть с университетским образованием».

— Какого вы учивситета? — спросил Пахомов уже другим тоном.

— Я кончил физико-математический факультет Киевского университета. Был преподавателем математики в Н-ском реальном училище и в начале войны, как прaporщик запаса, был призван на войну.

— Вот совпадение! Мы — коллеги. Я тоже физико-математического факультета, но только кончил я Московский университет....

ОККУПАНТЫ ПЕРЕОДЕВАЮТСЯ.

Чтобы поднять свой авторитет, члены Екатеринодарского (Краснодарского) краевого комсомольского комитета заявили, что комсомольцам неудобно ходить в обыкновенной одежде, ибо это не создает им авторитета среди местных жителей (казаков Ред.), а поэтому они желают иметь форму, которая была установлена для кубанских казаков. Однако, эта форма стоит дорого, а переодеться пришельцам страсть хочется. Выход найден был секретарем краевого комитета Смагиным, который организовал сбор «пожертвований» среди колхозов и кооперативов. На «пожертвованные» деньги всем членам краевого комитета комсомола сшита форменная кубанская одежда, стоимость которой, по словам «Комсомольской Правды» (ном. 39), обошлась в 1800 рублей комплект.

Однако, оккупанты получили эту форму бесплатно, как «подарок» от колхозников и кооператоров.

Известно, какие это добровольные «пожертвования» «благодарного населения». Это грабеж тамошних казаков.

Не поможет оккупантам их переодевание и, когда настанет час, узнают пришельцев казаки и в черкесках, как можно узнать «попа и в рогоже».

— Так вот, я говорю, — продолжал есаул, — что речи ваши, о которых говорил раньше, не могут дать хороших результатов. Вчера солдат Дарда сказал, что «им», имея виду вас, следует указать свое место. Так думают все казаки... думаю так и я. Думаю также, что слова солдата не хвастливая хвальба...

Есаул встал. Пахомов, несколько озадаченный, смотрел на есаула. Взгляд этот говорил, что Пахомов не все понял...

— Мой вам совет, раз уж мы оказались коллегами, — продолжать заниматься своим делом, т. е. воспитывать юношество, а что касается другого, политики, местной жизни — то тут казаки сами управляются. За два десятка пролетариев, которые живут в станице, бояться нечего. Никто их обижать не будет, если они... Ну, словом, сами вы понимаете, если будут знать свое место, заниматься своим делом.

Пахомов хотел что то сказать, но есаул протянул ему руку и со словами: «ждут неотложные дела», провел его до двери.

Совсем озадаченный шел директор Пахомов домой. Все вышло совсем не так, как он думал. Никаких адъюнктов, никаких допросов. Не укладывалось в голове, что есаул кончил университет, как и он. Никак не мог представить, что так любезно его примут, учтиво будут разговаривать, чаем угождать...

На повороте за угол его обдало легким наскоком свежего ветра. Погода стала лучше, приветливее, чем была утром.

Пройдя еще квартал, он вышел на площадь, посередине которой стояла церковь с белыми луковками-куполами, гордо и величаво тинувшимися ввысь своими золотыми крестами, отражая на себе блеск осеннего солнца. На краю площади висилось двухэтажное здание гимназии. Рядом домик директора. Постройки добротные, кирпичные, построенные на казачьи деньги, потом и кровью заработанные на казачьей земле. Уныло выглядели большой сад и двор гимназии, на которые осень наложила свой отпечаток.

Директор, окинув взглядом площадь, не пошел домой, а направился в станичное правление, низкого, длинного казарменного типа помещение, построенное еще первыми запорожцами Н-ского куреня.

В коридоре правления директора ожидали члены исполнительного комитета и несколько «трудящихся», которые узнали сюда ход после «бескровной».

По мере того, как Пахомов приближался к станичному правлению, прежние мысли заполнили его голову. Он уже забыл о чем говорил с есаулом. Мысль вихрем неслась к предстоящему митингу.

Войдя в коридор и поздоровавшись с «товарищами», директор заговорил:

— Сегодня будет митинг и нужно покончить с тем саботажем, который творится в станице. Делали мы революцию совсем не для того, чтобы нами командовали разные там атаманы. Сегодня прикажу атаману собрать митинг...

Физиономии «товарищей» и присутствовавших тут «трудящихся», озарились отталкивающими улыбками.
(Окончание следует).

НИКОЛАЙ ЛАПКИН.

Думы и мысли

Ночь. Оставил позади себя Софию, но преисполненный впечатлений и чувств, воодушевленный радостными фактами, пристосившись в уголке вагона 3-го класса, тронулся я в «родную» глушь, в дебри дикого Балкана, в село, куда привела меня судьба делить радости и горе с чужими людьми. Ни нарядность столицы, ни шум чужого города, ни крикливость женских нарядов, ни витрины магазинов с дорогими безделушками, ничто, ничто не отвлекло моей мысли от того, что мне так хорошо и мило. Центром было все одно и то же: — доклад Походного Атамана.

Эта искренняя, правдивая история трагедии Казачества, оставшаяся вне критики, эта стальная логика, выкованная из наших ошибок, это откровение, вольными и невольными казаками, доброжелателями и недоброжелателями (а они были!), было выслушано в атмосфере абсолютной тишины и с особым вниманием.

Повторяю: были на собрании вольные и невольные казаки, были оппозиционеры, были «аримафеи», но были и враги... и что же? Нашелся ли хоть один из них сказать по существу доклада, по существу трагедии Казачества, что нибудь противное?

Нашелся ли хоть один из них, кто бы проявил свою русскость?

Нашелся ли хоть один из них, чтобы указать, хотя бы на единственную ошибку ВК программы, хотя бы на единственный трех ее платформы, хотя бы на единственную нелогичность в желаниях, тактике и требованиях вольных казаков?

Нет!... Чувство безмерной радости волнует душу... Значит, тысячи вольных казаков, а с ними и я, правы. Значит, наши чаяния, наша бескрайняя любовь, наша безгранична вера, наша логика носят божественное начало огня, зажженного от неугасаемой лампады казачьего Я, казачьей жизни....

Значит, казачий бог есть! Молиться кому — есть, оправдать свои ошибки перед кем — есть, смысл борьбы — есть... Сами по себе почему то пришли на ум слова пасхального евангелия: «Плотию уснув, яко мярте, Царю и Господи, тридневен воскресл еси...» Не замечая, что делаю, начал тихо, тихо петь эту прекрасную мелодию. Вдруг почувствовал, что кто то за мной наблюдает. Открыл глаза. Передо мною — типичный болгарин, но в сапогах и шапка русского покрова.

Желая отделаться от непрошенного гостя, прерываю мои мысли, строго и вызывающе я начал смотреть на него в упор, но излюбленный мой прием не помог.

Началось: откуда, куда? Отвечаю кратко и резко. Но, оказалось, что мой сосед из таких, от кого отделяться скоро нельзя. Пришлось вернуться к повседневному. Говорили много. Все о том же: жизнь тяжелая, а жить надо.

Надоело мне это. Начал умышленно закрывать глаза, притворяясь спящим, чтобы уйти в самого себя и в родное, желанное... Так хорошо ночью в теплом вагоне, когда знаешь, что за окном студ... летишь от станции к станции... мелькнуло: «под Лихой лихое дело»...

Внезапно (вот тебе раз!) слышу поет мой сосед болгарин: «Ой, нема, гирш никому, як тай сиротині»....

Открываю глаза и смотрю на него с удивлением. Не утерпел, спрашиваю:

— Откуда знаешь ты мою любимую песню?

При этом вопросе тяжелый и полный ненависти взгляд смерил меня с головы до ног.

— Ты не русский ли?

Принял вызов:

— Я не русский, я — казак, — и в свою очередь хотел заморозить взглядом этого «коммуниста», но неожиданно этот «коммунист» протянул мне руку, отрешился и начал рассказывать по-русски с украинским акцентом свою ужасную трагедию, пережитую им в СССР и на берегах Кубани, где он жил до конца 1936 года.

Ужасна его драма, но писать о ней не буду. В данном случае я спешу поделиться с казаками тем, что услышал от него о казачьей доле.

— Тысячи кубанцев, — говорит собеседник, — заирались, как скот, ночью в теплушки и станицами высыпались на север в русские села, а в привольные казачьи станицы сажали тех, на чье место выселяли казаков. Населявшие и населяющие станицы, чужие люди живут в казачьих куренях, как гости, ожидая хозяев и возвездия.

— Почему же эти люди (большевики), не имея никакого основания, делают беззаконие? — задаю вопрос болгарину.

Горько усмехнувшись моей наивности, болгарин продолжал:

— Было-бы желание, а мотивы найдутся. Делают большевики это на законном основании, а именно: они требуют от станицы определенного количества пудов зерна от урожая, предварительно зная, что урожай не даст и половины того, что они хотят. Не получивши же требуемого, с «основанием» в руках, они заставляют вымирать этот лучший и честнейший народ в СССР... Да ведь моя первая любовь была кубанская казачка, но не захотела она меня (Бог с ней!), теперь она мукается в своей родной станице в руках русского сатаны, взявшего ее насилино...

Побледнел болгарин и понесся в воздухе циничный русский мат и в веру, и в Бога, и в законы, по адресу отнявших у него и «либе», и богатство и годы...

— Много раз, — продолжает он, — восставали казаки, но некому было им помочь. А вы тут шляетесь к большевистским представителям, забыв ваши станицы, ваших братьев. Да если бы вы и увидели станицы, вы не узнали бы их.... да и вы тут заразились русским рабством. Ох, если бы наши болгары или македонцы они бы и из эмиграции уже не раз тряхнули бы этой шпаной.

Только я хотел огрызнуться, в ответ на его незаслуженную обиду, как в наше купе вошел из соседнего хорошо одетый, солидный и с брюшком болгарин. С пеной у рта этот господин начал нападать на своего соотечественника, говоря ломанным русским языком, приводя в пример, «любвеобильную русскую душу», бескрайнюю русскую степь, Чернышевского, Арцыбашева, Бакунина....

Рассвирепел и мой собеседник. Тыча пальцем в солидный живот господина, он крикнул:

— Не знаю я Чернышевского, я — огородник, знаю только одно, что твоего пузы и твоего костюма ты не носил бы там, где я жил от 1912 до 1936 г., и где я потерял больше, чем ты имеешь сейчас.

Сконфуженный господин благородно ретировался. Собравшаяся в нашем купе толпа, начала любопытно, хотя и не понимала, прислушиваться к нашему разговору.

Замолчал мой собеседник, дав возможность убраться любопытным, но я сам, горя любопытством, начал задавать вопросы о жизни на родном и тихом Дону.

— Да и там тоже самое, а зачем спрашиваешь? — сердито ответил болгарин.

Я окончательно вышел из себя.

— Спрашиваю потому, что и мы, казаки, тут, в эмиграции, не спим. Я еду из Софии, где был у своих соидейников. Рано или поздно мы, или погибнем в борьбе с отнявшими у нас все, или выгоним с родной земли эту нечисть, которая разбила казачью жизнь.

Нервно выхватил из бокового кармана журналь «ВК» и сунул его в руку собеседнику. С полуторачью и с полурадостью усмехнулся сосед.

— Этот журнал я видел на Кубани несколько лет тому назад, видел его и в Софии.

Замолчали оба. Я от неожиданности, а тот под влиянием каких то своих мыслей. Потом, взяв мою руку, крепко ее стиснув, он сказал:

— **Спешите! Не опоздайте!**... Уже почти половина казаков, насилино заставлены уйти в потусторонний мир... Пустеют казачьи станицы... Смерть, голод и гибель свирепствуют там, но, **оставшиеся ждут, ждут вас с нетерпением**. Вот уже второй год я наблюдаю вас... будьте, как македонцы, собирайтесь, идите туда и, если не победите, то умрете... так лучше. Или такие, как я, возненавидят вас...

На станции Попово я, расцепившись, простился со своим собеседником и тронулся дальше. Куда? В «родное» село, чтобы периодически читать о скандалах, учиняемых теми, кто еще не понял, что время уже покончить с «грызней», и что нам нужно очень немногого.

«Беспрограммных», «не занимавшихся политикой» и раз'единенных — нас побили. Раз'единенное, разделенное по Войскам Казачество под командаю многих Атаманов своей судьбы не отстоит, своей завтрашней борьбы не выиграет,

Мы не против каждого Войска, но мы — за об'единение их в одном сильном государстве, мы — за об'единение сегодня уже казачьей эмиграции под единным политическим возглашением.

Кто хочет завтра сильного Казачества, тот сегодня будет создавать сильный казачий кулак.

(«ВК» № 215, 25 февраля 1937 г.).

А как немного нужно нам! Даже неопытным взглядом, наблюдая мировые события, заинтересованный зритель видит, что все идет к началу большой войны, к концу мирового неравенства и к созданию, осознавшим свое Я, своей пристани, своего дома и такой жизни, которая бы дала людям, любящим свое: свободу, Волю и счастье.

Всякая борьба опасна, но людям, потерявшим все, а потерявши, понявшим цену родному, ничего не остается, кроме — или жить бесславно, или бороться и умереть, или победить в борьбе за родной угол. Нет ничего краше на свете, как жить, работать и умереть осмысленно и нет девиза слаше — Родина. Перед нами, вольными казаками, задача: **освобождение родины!**

Если же слово казак, есть принадлежность отдельного народа, естественно, нам нужно отбросить «речной» эгоизм, «речную» разницу и «речную» защочивость. От нас требуется об'единение, кулак, которым мы бы смогли, с присущей казакам отвагой, опустить на голову и без того уже ошалевшего врага. Момент благоприятный. Родина наша несравненно прекрасна. Смысъ жизни найден. Что же нам делать? Чего же нам ругаться?...

Недавно я получил письмо от нашего соидейника — вольного казака. Он пишет: «О, поле, поле! кто тебя усеял мертвыми костями?»

Это он пишет о ВК болгарском округе. Может быть, фраза и напыщена, но доля и большая доля правды в этом есть. Я не согласен, что болгарский ВК округ мертв. Нет, он кипит, но раз'единен. Одним мешает работа, нищета, страшная, голая нищета. Другим — обида, третьим — тщеславие, четвертым — суфлеры и пятым — зависимость от врагов. Остальные же и сами не знают, чего ждут. Не говорю о тех, которые не чувствуют себя казаками. Враги же, беря раны честолюбца, сеют вражду. Наша же цель: **создание независимого казачьего государства**. Перед этой целью, все наши мелочные ссоры должны пасть. Мир между нами, вольными казаками, это наш долг перед родиной. Мир между нами — это наш долг перед павшими за Волю и Долю казачьи. Мир между нами — это наш долг перед теми, кто терпит непосильные муки там. Мир между нами — это наш долг перед Казакией — нашей путеводной звездой.

Логика жизни проста и ясна. Многие из нас, кто учился танцевать, начинали это или от печки, или от определенного угла, искали центр или торную точку.

Помню стихотворение с детства: «Хоть нет и Бога, все-ж ум высокий его родил, сорвав завесу с души убогой, он к свету Света нас возродил»...

Опять центр. Для неверующих ничто делается что то Великое, возрождающее их к свету Света.

Все в жизни базируется на авторитетах, даже сама жизнь. Кто не считается с авторитетами, тот похож на римского папу — непогрешим, но все же он не папа римский.

Вольные казаки самого большого «крыла» ВК, выбрали себе Походного Атамана, помня о дисциплине, сознательно подчинились ему. Ряды этого крыла растут с каждым днем и часом. Не буду перечислять вошедших в последнее время в эти ряды, ибо этого сделать не смогу, да и не нужно. Их все знают. Это наши авторитеты, это наша гордость!...

Что же мы делим? Что же мешает нашему об'единению? Желание врагов, чтобы казаки не собирались воедино никогда. Вот, что нам мешает.

В чужие дела носа, обыкновенно, люди не суют. Да и неинтересно. У нас же, сплошь и рядом, мы видим, что наши «братья» вмешиваются и слишком много, в наши дела, как бы считая нас «серой скотинкой». Загрязнив же имя казака, они не хотят, чтобы казаки показали себя миру такими, какие они есть в действительности. Мы же, — прекрасное имя казак, полное

глубокого смысла, не защищаем с должным себяотрицанием, тратя силы на внутренние раздоры, подрывающие непревзойденный общечеловеческий авторитет казака — плод земного рая.

Борьба же с шалыми и свобода родных краев, близка. Нам не нужно подходить друг к другу, предварительно думая, как надуть своего близкого и перетащить его в свой лагерь.

Лагерей и «крыльев» у нас не должно быть. Всем нужно равняться по правому флангу. Самый большой, самый высокий — на правом фланге.

Чем то фатальным веет от нашей разрозненности, особенно теперь, когда, без сомнения, наступает психологический момент, удобный для осуществления нашей святой цели — освобождения распятого Казачества. Да, за кулисами у нас не чисто. Но, всем вольным казакам, искренно любящим свое родное, нужно, проявив фанатизм, энтузиазм, горячую любовь к своему,

непримиримость к врагам, бескомпромиссность, чувство взаимной выручки, дисциплину — пригребать к общественному берегу.

Все, кто не забывает наших великанов, доказавших врагам, что умирать за родной идеал не страшно; все, кто горит местью к врагам и полон благоговения к павшим нашим героям-Атаманам, обагрившим свою кровью родную землю, воздвигая казачий дух на недосягаемую высоту самоотречения и любви к своему казачьему родному; всех, кто помнит о тысячах казачьих детей, об этих цветках-незабудках казачьей земли; все, кто чувствует казачьи страдания и тут и там, те должны простить друг другу обиды и, равняясь по правому флангу, где стоит самый высокий и самый большой, встретить грядущий фатальный момент подготовленными для осуществления своей святой идеи — создание независимого и счастливого казачьего государства — Казакии.

Казачья эмиграция

ВК в Болгарии

В СОФИИ.

6-го февраля с. г. состоялся сбор Разинской казачьей станицы, на котором были произведены перевыборы станичного правления.

Атаманом станицы избран А. В. Лаврухин, помощником — В. И. Чубовский, писарем — В. Е. Акулиничев. Запасными членами правления — С. С. Реденков и С. И. Камышанов. Ревизионная комиссия: председатель — И. И. Катунин и члены: А. Н. Кулягин и П. Ф. Поляков.

Станичный атаман: А. Лаврухин.
Станичный писарь: В. Е. Акулиничев.

КАЗАЧЬЯ ЕЛКА В ЛЕСКОВЕЦ.

Казаки националисты в г. Лесковец, желая дать своим детям казачатам и казакам возможность провести день Рождества Христова в праздничной обстановке, устроили рождественскую елку. Не имея много средств, но имея достаточно доброй воли и сознания казака перед подрастающим поколением, они сумели так обставить небольшой, уютный зал, что каждый остался доволен.

Зал был украшен национальными флагами и лентами, портретами своего шефа Ермака, Походного Атамана инж. И. А. Билого, героя Дона Кузьмы Крючкова и др.

По желанию всех, елка была сфотографирована, но, к сожалению, общий снимок вышел неудачным.

Веселье для детей началось с 3-х часов дня и длилось до 8-ми часов вечера. После этого дети отделились в детскую комнату, получив свои подарки.

В 8 час. вечера был подан ужин. В дружеской беседе и песнях казаки провели время до 4-х часов утра.

Казаки в Лесковец лишний раз показали, что они могут в нужный момент здраво рассуждать, отбросив в сторону все плохое, — искусственно созданную взаимную вражду.

Глубоко верю, что все казаки, в рассеянии сущие, отбросят в сторону все личное и второстепенное и соберутся дружной семьей под одним казачим знаменем, чтобы громко заявить всему миру, что казаки есть народ, способный на творчество и имеющий право жить под солнцем наряду с другими народами.

Н. Ковалев.

УХОДЯТ...

3-го января 1938 г. В.-Тырновской больнице, после продолжительной болезни и операции, скончался казак ВВД — член Донского Войскового Круга, по-

борник за казачье имя, организатор ВК группы в Тырново Константин Михайлович Киреев, ст. Вешенской.

Последним его желанием было — оповестить в журнале «ВК» о его кончине и продолжать начатое святое дело освобождения казачьих земель, что я и исполню. Похоронен на православном кладбище в г. В.-Тырново.

— «-» —

Недалеко от города Севлиева неизвестными лицами зверски убит и выброшен в речку Русицу казак ККВ Иван Васильевич Катыхин, ст. Кужорской, родившийся в 1873 г.

Покойный был членом хутора Ермакова в Лесковцах.

Не дождались они светлого дня воскресения Казачества. Пусть же легкой будет им чужая земля.

Н. Ковалев.

ВК во Франции

ПО ВК ОКРУГУ.

1. Зачисляю в списки округа: И. Ф. Быкадорова — казака ВВД, Я. И. Топилина — казака ВВД, К. Т. Шабанова — казака ВВД, Н. В. Плетнева — казака КВ, А. П. Надголова — казака ТВ, И. К. Груздова — казака ТВ, А. И. Некрасова — казака ТВ, А. О. Попова — казака ТВ, К. Ф. Собиева — казака ТВ, П. З. Медянника — казака ТВ и уроженца Казачьих Краев — К. И. Дмитренко, В. К. Дмитренко и П. И. Смаглюка с 1-го февраля с. г.

2. Исключаю из списков округа: М. И. Калинина — казака ВВД, согласно постановления станичного сбора ВК имени ген. Старикова станицы в г. Ромба с 1-го февраля с. г.

3. Утверждаю правление ВК хутора имени Атамана К. Булавина в Марселе, в составе — тамана В. Медведева и писаря Я. Шурупова, избранное на организационном хуторском собре 18 декабря 1937 г., считая с 1-го февраля с. г.

4. Утверждаю состав станичного правления ВК имени ген. Мамонтова станицы в Каркассоне, дополненного, по случаю выделения ВК имени полк. Черненкова хутора в г. Кастьельнодари, согласно постановлению станичного собра за № 1, от 6-го февраля с. г. — атаман — подъесаул И. С. Губин, помощник атамана — хорунжий И. И. Марченко, писарь — кол. регистратор. Л. Л. Арженовский и казначай — И. В. Недорезов.

5. Утверждаю правление ВК имени К. Бардижа куриеня в г. Виши на 1938 г., в составе: атаман — С. И. Чепурной, помощник атамана — Кондратенко, писарь (казначай) — Мардасов.

Основание: приговор от 22-го января с. г.

6. Утверждаю правление Союза ВК имени Атамана С. Лаврентьева в г. Лионе, избранное на собре 8 января с. г. в составе: председатель — Н. Н. Юров, тов. пред-

седателя — Р. М. Изварин и Е. Л. Шаншиев, секретарь — И. В. Мельников и казначей — Н. Г. Калинкин.

7. Утверждаю состав правления ВК имени А. И. Кулабухова станицы в г. Тулусе в составе: атаман — вахм. И. Т. Хрипушин, помощники атамана: Г. Т. Шерстюк (он же казначай) и сотник И. К. Сопильняк, липарь — хорунжий И. Д. Гущин; члены ревизионной комиссии — подъесаул С. И. Шепель, урядчик — И. Матякин и А. П. Надгагов, избранных на годичном сбре 23-го января с. г.

8. Утверждаю правление ВК имени атамана Ермака станицы в г. Южине, избранное на станичном сбре 6-го февраля с. г., в составе: атаман — хорунжий Г. Д. Бочаров, помощник атамана — Н. Шелякин, казначай — М. Максимов; ревизионная комиссия — В. Шишлин, Н. Кононов, В. Большов.

9. Утверждаю правление ВК имени полк. Е. Грудинова станицы в г. Кюнтанже, избранное на станичном сбре 6-го февраля с. г., в составе: атаман К. М. Самсонов, помощник атамана — Ф. Сергеев, казначай — И. Соколов, писарь — хорунжий И. Гуков; ревизионная комиссия — Бормаков, Павлов, Гуреев.

10. Утверждаю правление ВК имени атамана С. Разина в г. Сен-Морисе, переизбранное в старом составе на хуторском сбре 23 января с. г., — атаман-полковник И. Ротов, помощник атамана — подхор. А. Чаплыгин и писарь — есаул А. Забусов.

11. Утверждаю правление ВК имени Е. Пугачева хутора в г. Курта, избранное на хуторском сбре 6-го февраля с. г., в составе: атаман — полковник А. В. Сальников, помощник атамана — есаул П. И. Кутырев, писарь К. К. Сазонов; ревизионная комиссия: полковник И. А. Ермаков, войск. старшина Г. К. Алубаев и сотник К. П. Куприянов.

Окружной атаман: А. Ленинов.

В КОЛОМБЕЛЕ.

Приезд Походного Атамана.

8 января с. г., по приглашению ВК хутора в Коломбеле, сюда прибыл Походный Атаман ВК. На станции гость был встречен хуторским атаманом К. Лысенковым и членом ревизионной комиссии ст. Т. Мартыновым. Со станицы направились на квартиру хуторского атамана, где Походный Атаман был встречен хлебом-солью. Тут же был приготовлен семейный ужин и детская елка.

Когда гость несколько отдохнул, пришли вольные казаки со своими семьями. Хуторской атаман предложил Походному Атаману занять почетное место за столом и немного закусить.

Затем хуторской атаман зажег елку и в комнату пришел дед Мороз с корзиной подарков для детей. Дед Мороз сказал детям, что он уморился и что он пришел издалека, с Дона и просил детей, что нибудь ему рассказать, потешить старика, а потом и он что либо детям расскажет.

Дети начали декламировать стихи. Володя Потапов продекламировал «Стремление» и «Суд Божий» — И. Томаревского; Миля Потапова — «Мама дорогая» (из школьной книги); Маня Лысенкова из журнала «ВК» «Край родной полюбил я заочно» — В. Измайлова; Андрий Лысенков — «Ми всі за тобою» — Ходкевич-Чапсай.

Дед Мороз остался очень доволен декламацией детей и в свою очередь продекламировал — «Славьтесь, великии реки!»

После этого дед Мороз раздал детям подарки и ушел, чтобы снова прийти к детям, но уже в родном краю, в родной Казакии.

Все разместились по своим местам. Хуторской атаман поднял тост за здоровье гостя — Походного Атамана.

Раз'единенные Казачьи Войска со всеми их правителями, Атаманами и командованиями — враги наши легко побили там. Раз'единенная (много Атаманов, много партий, много программ) казачья эмиграция ничего не сделает отсюда для дела сквершего освобождения Казачества из-под Московского ига. Растопыренные пальцы не страшны нашему врагу. Для такого противника «понятен» был бы только хороший казачий кулак....

— Слава ему! — дружно ответили казаки.

Походный Атаман поднял тост за Вольное Казачество. Громким «Слава» отвечали казаки.

Потом были подняты тосты за окружного атамана, за сотрудников журнала, за хуторского атамана. Хуторской атаман поднял тост за супругу Походного Атамана, а Походный Атаман за всех казачек и хозяйку дома.

Присутствовавший гость, казак Астраханского Войска В. А. Десенвенсанов, благодарит Походного Атамана и вольных казаков и казачек, и подымает свой бокал за Походного Атамана, за ВК движение, за Казакию. Слава им!

— Слава, слава! — отвечают все.

После этого казаки поют Донской, Кубанский и Терский гимны.

Затем был подан ужин. За ужином вольные казаки долго беседовали с Походным Атаманом. Было уже далеко за полночь, когда казаки разошлись по домам, дав отдохнуть Походному Атаману до утра.

На утро, когда все собрались, помощник хуторского атамана ст. Чернышков пригласил Походного Атамана и всех казаков откусить его хлеба-соли. Все отправились к нему. Там время прошло в беседах, пока не пришел час ехать на собрание.

В помещении, к моменту приезда Походного Атамана, уже собралось много казаков и хуторской атаман представил собравшимся Походного Атамана. Затем открывает собрание и об'являет, что Походный Атаман ВК инж. И. А. Бильный делает доклад на тему: «Двадцатилетие начала казачье-большевистской войны и теперешняя программа ВК движения». После доклада состоятся пленения по докладу, в порядке записи желающих, и предоставляет слово Походному Атаману.

Походный Атаман начал свой доклад так:

— Братья, двадцать лет прошло с тех пор, как под Новочеркасском началась казачье-большевистская война, венецианская казачье-русская война.

Как встретили казаки эту войну? По началу большинство фронтовиков были также заражены большевистской болезнью и первую борьбу вынесли на своих плечах молодые казаки, главным образом, учащиеся. Когда эти дети не могли больше сдерживать натиск красных, когда большевики заняли казачьи земли и начали хищничать по своему, то казаки, видя это, стали браться за оружие.

Докладчик рассказывает дальше, как, видя это, казачьи правительства делают попытку организовать казачье государство и казачью армию и как эта попытка не удаётся, благодаря руссофильству части казачьей старшин. Было еще три попытки создания казачьего государства. Погибли за это Рябовол и Кулабухов.

Докладчик рассказал все подробно от начала до конца, что происходило там, на казачьей земле, в течение трех лет, когда так обильно лилась казачья кровь. За что лилась эта кровь? За свой Порог и Угол, за свою казачью самостоятельность, а нас, самостийников, обвиняют в том, что мы, будто бы, ВК идею нашли где то заграницей. Нет! Мы, самостийники, ее только воскресили в душе казака.

Дальше докладчик переходит к программе ВК движения.

— Как я уже говорил, — продолжает он, — ВК программа состоит в том, чтобы, как можно скорее, помочь многострадальной долине и как можно скорее об'единить казаков на своей государственной дороге. Чтобы казаки больше не были пушечным мясом для других, чтобы казаки все свои силы отдали на служение своей полине Казакии.

Дружными аплодисментами были покрыты последние слова докладчика.

Доклад проложился два с четвертью часа. Присутствующие внимательно слушали каждое слово докладчика. Ясно нарисована картина прошлого, указан источник ВК программы в старой и новой Казачьей истории, указана обстановка, дающая надежды казакам

на самостоятельное бытие Казачьего государства и указал на роли в этом деле самих казаков.

На протяжении доклада не раз раздавались аплодисменты по адресу докладчика.

— Мы, самостояйники, стараемся освободить нашу родину из рабства и привести туда всех казаков в свободную, самостоятельную Казакию.

Гром аплодисментов. Все подходят и пожимают руку докладчику. Объявляется десятиминутный перерыв.

После перерыва первым задает вопрос докладчику казак Терского Войска **Чернобаев**: на что надеетесь вы, самостояйники?

Докладчик отвечает, что казаки самостояйники надеются прежде всего на самих себя и указал несколько примеров (Пилсудского, Масарика и др.). Надежда была у этих борцов на свой народ, есть эта надежда и у казаков самостояйников.

Чернобаев задает второй вопрос: сколько всего казаков на родине и здесь?

Докладчик отвечает, что вопрос очень сложный. Установить точное число, по данным советской переписи, невозможно. Нужно думать, что всех казаков около пяти миллионов.

— Как вы, самостояйники, относитесь к выборным Атаманам?

Докладчик отвечает: никак. Мы, самостояйники, видим, что выборные Атаманы вот уже 20 лет сидят за границей и ничего не делают для спасения Казачества. Они только убедительно просят казаков не заниматься политикой, а мы, самостояйники, наоборот, хотим, чтобы казаки были грамотны политически, чтобы не случилось того, что случилось в прошлом. А в прошлом казаки проиграли борьбу, благодаря политической безграмотности.

— Как Терское Войско было разделено? — задает дальше вопрос ст. Чернобаев.

Докладчик, отвечая, говорит: да, мне текст договора известен и никто не вправе делить Терское Войско без самих терцев. Этот договор не был подписан ни одним правительством из договаривающихся сторон. Раз он не был подписан, то проект остался только проектом, клочком бумаги. Разделения и отделения Терского Войска, мы, самостояйники, не допустим, — с достоинством закончил докладчик ответы ст. Чернобаеву.

Задававший вопросы докладчику ст. Чернобаев заявил, что ответы его вполне удовлетворили. Раздаются аплодисменты по адресу докладчика.

Вторым выступил **Пономаренко** (Терск. Войска), русский казак, «нововопоколенец», окончивший особые «сапаторские курсы». Начал не по существу доклада, а стал делать как бы свой доклад. С мест делают ему замечания. Председатель его останавливает и говорит: если вы хотите сделать доклад, то соберите для этого специально казаков.

Тогда он задает такой вопрос: а разве Россия согласится отдать вам свои капиталы, которые она вложила в железные дороги, порты и проч.?

Вопрос этот вызывает смех в зале. Докладчик встает и отвечает: конечно, нет. Да и кого мы будем спрашивать, когда все это находится на нашей казачьей земле. Вот, если хотите, мы сейчас увидим, кто кому и сколько должен. Не мы, самостояйники, а иностранные профессора-экономисты высчитали, что Казачество платило Москве 80.000.000 руб. золотом, а Москва расходовала на казаков 40.000.000 рублей. А где же остальные? Как видите, не мы Москве должны, а Москва нам...

— Правильно, — раздаются возгласы с мест.

Русский казак все же не унимается. Он задает еще такой вопрос, что, мол, вы, самостояйники, и завели нас, казаков, заграницу.

Докладчик, указывая на Пономаренко, говорит: именно вы, русские казаки, завели казаков заграницу, а не мы, самостояйники. А теперь настоятельно убеждаете казаков не заниматься политикой. Мы, самостояйники, стараемся привести казаков домой и не мы виноваты в том, что наши казаки патриоты, самостояйники Рябовол и Кубалухов, погибли от вашей русской руки.

Гром аплодисментов раздается по адресу докладчика.

Третий говорит войск. стар. **Кузнецов** (донец). Он заявляет, что говорит не от себя лично, а от группы казаков и задает такой вопрос: почему вы назы-

ваетесь самостояйниками. Казаки желали бы, чтобы это слово было заменено каким либо другим, потому что это слово как то плохо звучит в ушах казаков. Задает еще несколько мелких, несерьезных вопросов.

Такие вопросы, отвечает докладчик, можно задавать школьнику 2-го класса и осведомляется, кто такой апонент.

Тот отрекомендовался: полковник Донского Войска Кузнецов, член Большого и Малого Круга.

— А вопросы задаете такие несерьезные, — говорит докладчик. На первый вопрос отвечает докладчик, что не мы, самостояйники, в этом виноваты, что нас так называют недруги. Да мы, самостояйники, и не сговаривались этого слова, а на некоторые другие вопросы я отвечу вам в Новочеркасске.

Опять раздается гром аплодисментов по адресу докладчика.

Последним говорит донец **Чаусов** (ст. Новониколаевской). Он, обращаясь к Походному Атаману и казакам, говорит: братцы, у нас, казаков, не должно быть между нами, казаками, ни врагов, ни предателей. Мы, казаки, всегда должны быть между собою братьями. Должны всегда казаки защищать наше добре имя — казак. Мы, казаки, всегда по нашим казачьим вопросам можем сговориться, но только не нужно в нашу казачью семью допускать не казаков. Между нами, казаками, могут быть споры и раздоры, но мы всегда сговоримся.

Когда кончил ст. Чаусов, по его адресу раздались аплодисменты. Сам докладчик — Походный Атаман — пожал ему руку.

Председатель закрывает собрание. Собрались все без исключения, противников не оказалось. Окружили Походного Атамана, все благодарили и все пожимали руку. В ожидании машины, собирались в ресторане и за стаканом вина все казаки беседуют с Походным Атаманом. Потом казаки начинают петь казачьи гимны.

Походный Атаман, видя единение казаков, подымает бокал за Казачество.

Громкий ура отвечают казаки и поднимают бокал за Походного Атамана, за Атаманшу, за Вольное Казачество, за Казакию! Раздается громкое ура!...

Гудит гудок. Подана машина. Вольные казаки с Походным Атаманом уезжают на квартиру хуторского атамана, где был приготовлен ужин для Походного Атамана. Поужинав, прокричали еще — Слава Походному Атаману и Вольному Казачеству!

Приближалось время отъезда на станцию. Все выходят во двор. Машина подана. Походный Атаман прощался со всеми и благодарил хозяек дома ст. Лысенкову за гостеприимство и с хуторским атаманом и членом ревизионной комиссии отправляется на вокзал.

— Слава Походному Атаману! Слава Вольному Казачеству! — несет вслед уезжающим.

На станцию прибыли за четверть часа до отхода поезда. Атаман и писарь проводили Походного Атамана в вагон и только за пять минут до отхода поезда вышли из вагона, пожелав ему счастливого пути.

Поезд трогается... Провожающие машут уезжающему гостю. Походный Атаман в ответ машет рукой.

Вернувшись, потом казаки в Коломбель, где их поджидали хуторцы. Хуторской атаман доложил казакам, что Походного Атамана благополучно проводили.

— Слава Вольному Казачеству! Слава Походному Атаману! — прокричали казаки и, поговорив еще немного, стали расходиться по домам.

Хуторской атаман: **К. Лысенков**.

ВК в Польше

В ЛУЦКЕ.

8-го января с. г., Луцкая ВК имени полк. Чернецова станица устроила детскую елку. Праздник открылся пением Рождественского троеполя и словом о. Чиркова.

Затем дети декламировали стихотворения казачьих поэтов. Веселились, конечно, и взрослые. Танцевали и пели.

Правление станицы выражает свою благодарность лицам, потрудившимся по устройству праздника для наших детей, которым в изгнании там мало приходится видеть светлых дней.

Правление.

ВК в Югославии

В ПАНЧЕВО.

Перевыборы станичного правления.

8-го января состоялось собрание ВК имени К. Л. Бардика станицы в Панчево. После открытия сбора, был прочитан бюллетень по Округу № 44. Потом было заслушано заявление казака Терского войска И. В. Бендерского о принятии его в число членов нашей станицы. Едногласно было постановлено принять и просить окружного атамана о зачислении его в округу.

Затем станичное правление сделало доклад о своей работе. Сбор работой остался доволен.

Станичник М. И. Махно сделал сообщение «О казачьем вопросе».

После перерыва станичное правление слагает с себя полномочия и сбор выбирает председателем собрания ст. Махно, который просит сбор благодарить правление за его работу и предлагает оставить правление на следующий год. Предложение ставится на голосование и большинством голосов принимается.

Ввиду того, что в нашей станице обязанности казначея и писаря исполняет Е. Костюченко, решили расширить состав станичного правления, чтобы не обременять одного человека работой.

Едногласно были избраны: помощ. атамана И. П. Чернов, ст. Отважной ККВ, казначеем М. С. Кирсанов, ст. Курмоярской ВВД.

Ревизионная комиссия избрана в составе — пред. М. И. Махно, ст. Ольгинской ККВ и членов — Ф. Т. Сидоренко, ст. Брыньковской ККВ и Г. С. Кузнецова, ст. Новониколаевской ВВД.

Председатель сбора М. Махно.
Секретарь: Е. Костюченко.

Елка.

8-го января 1937 г., после станичного сбора, была открыта станичным атаманом А. Ф. Зотовым, в присутствии уполномоченного округового правления ст. Н. Д. Башмака, детская елка.

По средине зала стояла разукрашенная елка — детская радость. Распорядительница елки барышня Бижерко Антонич-Бендерская очень хорошо подготовила детей к елке. Она ими руководила, как родная мать.

Когда елка была зажжена, то дети около елки исполнили Югославский гимн, после чего начали петь другие песни. Стоя возле елки, где дети веселились, на душе так легко стало, что и наши души немного повеселили за пять лет существования нашей станицы. В 1938 году первый раз станица дала возможность детям пережить большую радость.

Много потрудились по устройству детской елки ст. И. В. Бендерский и его падчерица Бисерка Антонич-Бендерская. Казачье вам спасибо.

Дети казачата декламировали стихотворения казачьих поэтов.

Затем атаман станицы приглашает гостей перейти в другое помещение и занять столы, а в это время распорядительница елки раздает детям подарки и сласти.

Когда все заняли места, станичный атаман поднимает тост за Короля Югославии, за Наместника и весь югославский народ.

В ответ на это казаки ответили: «Живео!».

Второй тост был поднят за Походного Атамана, окружного атамана и его представителя ст. Н. Д. Башмака.

— Слава Казачеству! — ответили казаки

Дальше началось веселье. Казачья песня, музыка, танцы. Показывают казаки свое искусство в исполнении «казачка» и лезгинки...

Долго казаки веселились с песней, гармошкой. Вспоминали о Родном Крае и не хотелось расходиться, но на другой день — рабочий день... Проводили ст. Башмака, а сами стали расходиться по домам. Приятно на душе, когда видишь дружную и организованную казачью семью.

Держитесь крепко один — за всех и все за одного!
(Соб. кор.).

В ПЕТРОВГРАДЕ.

7-го января с. г. ВК имени ген. Я. Г. Кухаренко устроила праздничное собрание, на котором присутствовали казаки, не состоящие еще в наших рядах и украинцы.

Когда все были в сбое, атаман станицы Ачминов обратился к присутствующим с таким словом:

«Дорогие гости и дорогие станичники! Сердечно поздравляю вас с праздником Рождества Христова и желаю, чтобы скорее довелось нам встречать этот праздник на родине, освобожденной от красного ига. Когда мы были малышами, то сегодняшний день для нас был особенно желанным праздником, т. к. в этот день с раннего утра, бегая от куреня к куреню, «христиославили». Вспомним прошлое и по христианскому обычью споем тропарь празднику».

Все встали и дружно запели: «Рождество Твое, Христе Боже наш...» А затем прослушали стихотворение И. К. Скубани — «Рождество Христово», прочитанное ст. Каменским.

Когда все опять заняли свои места, атаман станицы продолжал: «тяжелый сегодня для нас день праздника Рождества, а когда то он был веселый и полный радости. Теперь, когда вспоминаешь о дорогом прошлом, то сердце обливается кровью и хочется крикнуть от боли, нанесенной красными оккупантами. Там, на родине, наши близкие в плену у красного тирана, здесь мы без них, дорогих и близких, нам. Там плач и стенание наших, а здесь мы, хотя и живем свободной жизнью, но тяжелый гнет давит нашу душу. Станичники! ведь мы без родины! Мы на чужбине, а там наша родина в плену, родные в плену. Они там стоят под игом красной Москвы. Их доля горше, тяжелее нашей. Но нам, казакам националистам, нельзя падать духом. Мы должны бороться с красным врагом поработителем. На нашу долю выпало тяжелое — борьба за жизнь нашего порабощенного народа. Мы должны его освободить из-под ига красного зверя. Это наш святой долг, это наша святая обязанность. Пошли же «туда», нашим дорогим, наше сердечное поздравление с праздником Рождества Христова и пожелаем им счастья и терпения, ибо недалек тот час, когда мы, казаки националисты, пойдем освобождать их.

Мы, сыны родной Казакии, не забыли о наших родных. Слышишмы, казаки националисты, стон нашей матери-родины и готовы отдать за нее наши жизни. Помните, станичники великих казачьих рек Дона, Кубани, Терека и др., казачий присказ — «Бог не выдаст»..., а наше дело правое, ибо — Казакия — наша цель, наш девиз — Казачья Воля.

Долой московских оккупантов с казачьей земли! Да здравствует братство народов, борющихся за свое освобождение из-под власти СССР! Да здравствует казачий национализм! Да здравствует неразрывное единение Дона, Кубани, Терека, Астрахани, Яика и Оренбурга в одном самостоятельном государстве Казакии! Слава Казачеству!».

После слова атамана, ст. писарь Н. Каменков прочитал праздничные поздравления: Походного Атамана ВК (жур. от 25 декабря), окружного атамана и др. ВК организаций.

Затем ст. атаман подымает тост за Походного Атамана, с пожеланием ему сил и здоровья, а также и скорейшего успеха в освободительной борьбе и создании своего государства Казакии. Мы же, казаки националисты, плотнее сокнем наши ряды вокруг нашего выбранного Походного Атамана. Будем же честно выполнять наш долг перед родиной и нашим Атаманом.

Казаки выпили чару с приветствием: Слава Атаману!

Затем ст. ст. Павлов и Каменков стали раздавать детям подарки и сласти, а атаман станицы, обращаясь к детям, говорит:

«Дорогие дети, поздравляю вас с праздником и желаю вам быть счастливыми и чтобы вы слушали ваших родителей. Сегодня нет у нас деда мороза, который вам раздавал бы подарки. В этом году мы не смогли устроить для вас елку, но все же решили подарить вам гостинцы, чтобы и вы знали, что сегодня детский праздник.

Атаман также стал раздавать детям гостинцы. По-

лучили подарки и дети казаков, не состоящих в наших рядах. Радости детей не было предела.

Затем Маруся Мирошник продекламировала стихотворение Ходькевич-Сапсай: «Ми всі за тобою». Декламировала выразительно, с жестами, показывая руночками то на портрет Походного Атамана, то на собравшихся казаков. Маленькая декламаторша была награждена аплодисментами, сластями и деньгами.

После чередовались тосты: за тех, кто страдает на родных просторах, за Казачество... Полилась родная песня, говорящая о былом Казачества, о его героях, его славе...

После небольшого перерыва, атаман станицы просит выслушать слово ст. Каменского.

— Сегодня праздник Рождества Христова, — начинает ст. Каменский, — Рождество Спасителя мира. Весь христианский мир два тысячелетия празднует этот праздник. Все стараются отметить этот день. Собрались и мы отметить его. Не переживаем мы, конечно, того веселья и радости, какие переживают другие, ибо мы в изгнании, а наши близкие в неволе и они не радуются, ибо там, где царствует «богоносец», на берегах наших прекрасных рек, нет радости. Когда то богатые и цветущие края наши, теперь превращены красными извергами в пустыню. Голод, нищета, разграбленные станицы заросли бурьяном. Пришельцы разогнали наши семьи. Наши богатые храмы разграблены и превращены в склады, театры и танцульки. Там гонение на верующих.

Кто же осуществляет все это? Нехристи? Нет, не нехристи, а православные «богоносцы», которых нам стараются навязать в кровные «братья».

Горит ли в каждом казаке та светлая мечта, чтобы освободить свой измученный народ из-под ига варваров? Все ли хотят бороться со своим врагом за свою свободу и свое казачье имя? Казаки националисты хотят бороться и уже ведут борьбу. Многие казаки еще думают, что им кто-то освободит их родину. Многие думают, что враг отдаст им родину добровольно. Напрасная надежда. Враг бескомпромиссный. Он не понимает, что такое свобода. Знает он и признает только рабство. Свобода не приходит сама собой, ее нужно добыть железом и кровью. На крови и костях создается свобода народа.

Нет родины у нас, нет и радости такой, как у других. Плененная родина зовет нас. Спасти ее это наш долг, долг казаков, у кого есть хоть искра любви к своей родине. К горю нашему, не все слышат ее надывающиеся стоны. Для многих казаков, — казачья родина не понятна. Родину смешивают они с Россией, с СССР и с той, как она будет называться в будущем. Многие этой чужой родине и теперь служат, защищают ее интересы. Многие мыслят свободу

Казачества в «свободной России». Нет, не так все это. Родина казаков — историческая земля казаков — Казакия. Казаки должны служить только своей родине. Наша родина не сегодняшняя СССР и не завтрашняя Россия, а общая от Яика до Терека казачья держава Казакия. Она оккупирована Москвой, она жаждет свободы, жаждет мира. Зовет она нас, казаков, тех казаков, которые еще не утеряли веры в свою свободу. Зовет она и тех, кто еще пассивно относится к национальному освободительному движению. Зовет и тех, кто состоит в рядах чужих организаций и открыто ведет борьбу за «матушку Россию» с казаками националистами, которые уже 10 лет ведут борьбу за возрождение Казачества. Пора уже нам, казакам, понять, что мы, казаки, одной казачьей матери, что другой матери у казаков нет. Россия для казаков мачеха. Если мы желаем счастливо жить, а не скитаться по чужим странам, то мы должны все стать на свой казачий путь для борьбы за свою родину. Только обединенными силами добьемся оного, ибо в единении сила. Это наш единственный путь, который ведет не в Москву, а на нашу казачью родину. Надо бросить чужие дороги и обединиться под общим руководством ВК. Чем больше казаков станет на свой шлях, тем слабее будут наши враги и тем скорее осуществится наша мечта — быть свободными.

— Пригребай к своему берегу, — так сказал депутат Донского Круга, ибо только у своего берега будет настоящая казачья жизнь.

Слово станичника Каменского было выслушано с большим вниманием.

Беселились казаки еще. Приближается полдень и атаман, обращаясь к присутствующим, об'являет, что официальная часть праздника закончена.

Казаки поют многая лета Походному Атаману, а затем исполняют окружную песню: «Поклялись мы в жизни нашей за Казачество идти...»

После песни атаман обращается к присутствующим казакам и гостям и благодарит их за посещение праздника.

Один из гостей кубанский казак М. Овсянников подошел к атаману и благодарит его за все то, что он тут услышал и увидел. Все это произвело на него самое отрадное впечатление и он обещал в скором времени помочь казакам в их деле.

Станичный атаман в свою очередь благодарит ст. Овсянникова за посещение праздника и кратко обясняет ему цель ВК движения, что оно преследует и за что борется.

Есть надежда, что ст. Овсянников не только будет помогать станице, но и скоро будет в ее семье.

Сообщил: Н. Каменский.

Библиотека ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ

В Париже стараниями казаков ВК имени А. И. Кулабухова станицы организована станичная библиотека.

В настоящее время имеется несколько сот томов. Книги на русском и украинском языках и самого разнообразного содержания, как то: беллетристика, политика, социология, философия, теология и т. д.

Кроме этого, имеются журналы, как казачьи, так и не казачьи, а так же и специальные книги о Казачестве.

Пользоваться библиотекой могут все.

Условия пользования библиотекой таковы: за взятую из библиотеки книгу взимается залог в 20 фр. За чтение одной книги в месяц пять фр., а за две — восемь франков.

Библиотека обращается ко всем казачьим и украинским издательствам с просьбой присыпать ей свои издания, по адресу библиотеки:

Mr. S. Fedosseeff, 51, Av. Bas Meudon (Passage), Issy-les-Moulineaux (Seine).

За всеми справками обращаться по тому же адресу к библиотекарю С. Н. Федосееву.

Кроме этого, станица обращается ко всем вольным казакам, а также и казакам, сочувствующим делу создания большой казачьей библиотеки в Париже, присыпать ей имеющиеся у них и им не нужные книги. Все присланное будет принято с благодарностью.

Атамань Парижской ВК им. А. И. Кулабухова станицы И. Плахов.

Библиотекарь С. Федосеев.

В Испании

Последнее время гражданская война в Испании приняла затяжной характер. Объяснение этому, вероятно, нужно искать в международной обстановке.

15 декабря 1937 г. республиканские войска повели наступление на Теруэль, который, после ожесточенных боев, был ими занят окончательно 8 января 1938 года.

Наступление республиканских войск было неожиданно, чем и объясняется то, что националисты не могли немедленно вырвать инициативу у противника.

Цель этого наступления военный обозреватель газеты «Р.И.» З. (№ 112, 1938 г.) объясняет так:

«Цель операции республиканцев против Теруэля, помимо желания сорвать, повидимому, готовившуюся, как будто бы у Гвадалахары, операцию националистов, несомненно, было желание связать свои Арагонский и Куэнкский фронты. Действительно, после захвата республиканцами, осенью 1937 года, Бельчите (у Сарагоссы), их фронты у Кузники и у Бельчите оказались разрезанными Теруэлем, через который проходит единственный путь, связывающий эти пункты. Поэтому все переброски с одного на другой фронт им приходилось вести кружным путем через Валенсию.

Таким образом, захват Теруэля представлял для республиканцев несомненные оперативные выгоды. Затем, дальнейшее продвижение их к северо-западу давало в их руки рудники Охос Негрос (в 50 километрах от Теруэля), снабжающие рудой их сталелитейные заводы в Сагунте...

Эти два мотива и объясняют поставленную себе республиканцами цель.

Второе соображение — возможность сорвать подготовляющееся националистами наступление на Мадридском фронте более спорно. В самом деле, если значение Теруэля для республиканцев, очевидно, для националистов оно гораздо более спорно. Теруэль для них, в сущности говоря, имеет совершенно второстепенное значение. В нормальных условиях его захват республиканцами ни в коем случае не должен был бы вызвать срыва, намечавшейся в другом месте операции. Эту точку зрения, между прочим, усердно проводит, разбирающая теруэльские события последнего месяца, германская военная печать.

Когда попытки националистов выбить республиканцев из занятого ими Теруэля фронтальными атаками не дали результатов, то командование националистов решило путем обхватов флангов восстановить положение.

Тот же З. в «Р.И.» (№ 113, 1938) говорит следующее:

«Операция эта была проведена националистами в охват обоих флангов республиканцев: с севера от так называемого Монтальбанского выступа (к северу от с.

Пералес) и с юга от Селадас. Главный удар войсками ген. Франко наносился с севера.

Этим ударом, в два дня, была полностью устранина угроза коммуникационной линии Теруэльской группы националистов и, кроме того, создано выгодное исходное положение для атаки самого Теруэля.

К 8-му февраля фронт националистов в общем выдвинулся на линию рек Альфамбры и Турин, дав в их руки горные массивы Сиерры «Паломера» и Селадаса (к северо-востоку от селения того же имени).

Второй этап операции был проведен ген. Варела примерно две недели спустя, после овладения им Сиерой «Паломера».

17 февраля, националисты форсировали реку Альфамбру у Вильальба Баха, нанося в дальнейшем свой главный удар через высоту «Мансуэто» на Вальдесебро. Одновременно с этим, атаковала и южная группа националистов через «Муэла» де Теруэль, в общем направлении на Вильяэспеса.

Полное окружение Теруэля было завершено 20-го и 22-го он был взят националистами. Большая часть его гарнизона, однако, успела эвакуироваться.

Дальнейшие операции свелись к выходу националистов на линию, прикрывающую Теруэль с юго-востока и к 23 февраля ими был занят фронт от Вальдесебро, через Кастральво, высоты у Вильяэспеса и «Галиана» на Вильястар.

В общем, к концу февраля, когда наступление националистов было приостановлено, они выдвинулись примерно на полперехода к юго-востоку от Теруэля.

Итак, борьба за Теруэль, длившаяся в общей сложности 68 дней, закончилась полной победой националистов.

Они не только восстановили старый фронт под Теруэлем, но и значительно его выправили, выйдя на фронт реки Альфамбры от Вильальба Баха на Пералес.

Пленные, захваченные ими в Сиerra Паломера, компенсировали их потери пленными при захвате республиканцами Теруэля в декабре. В общем итоге, в результате обоих сражений под Теруэлем, положение националистов стало более выгодным, чем оно было в этом районе до него.

Во всяком случае, сейчас общее стратегическое положение националистов гораздо благоприятнее такового же республиканцев. Все зависит от того сумеют ли они его использовать и, главное, сумеют ли они это сделать быстро, пользуясь теперешним замешательством в лагере красных.»

Приведенные цитаты военного специалиста лишний раз подтверждают, что Москва проиграла в Испании, а значит, теряет она и свой престиж в Европе.

А. И. Деникин о русских людях

Союзом добровольцев каждый год ко времени годовщины первых походов издается газета «Доброволец».

Такая газета вышла и в этом году («Доброволец», февраль 1938).

Приводим здесь выдержки из статьи ген. Деникина — «Державы и Россия», где автор говорит о русских людях, живущих в СССР:

«Служитель Бога Вышнего, призывающий к неосуждению богоборческой власти, «радующийся ея радостями и печалившийся ее неудачами»... величий в храмах возможност моление «о властех предержащих», накладывающий прещение на твердых и бесстрашных ревнителей веры...

Ученый — на развалинах своей науки, над могилами безвременно ушедших бескорыстных служителей ея — произносящий хулу погибшим и хвалу их палачам....

Талантливый актер, захлебываясь от холопского усердия свидетельствующий — каким несознательным ничтожеством он был при старом режиме и как его «перековало» советское воспитание.... Действительно, перековало.

Русский писатель, достигший предельных высот словесного блуда: «Пройдут столетия — говорит он — и будущия поколения будут считать нас самыми счастливыми из всех смертных, из всех живущих во все века, потому что мы видели Сталина. Когда я встречал Сталина, я ощущал на расстоянии его силу, обаяние, величие. Мне хотелось петь, кричать, реветь от восторга и счастья... Наша любовь, преданность, сила, сердце, героизм, жизнь — все для тебя — на, взыщи, великий Сталин!...»

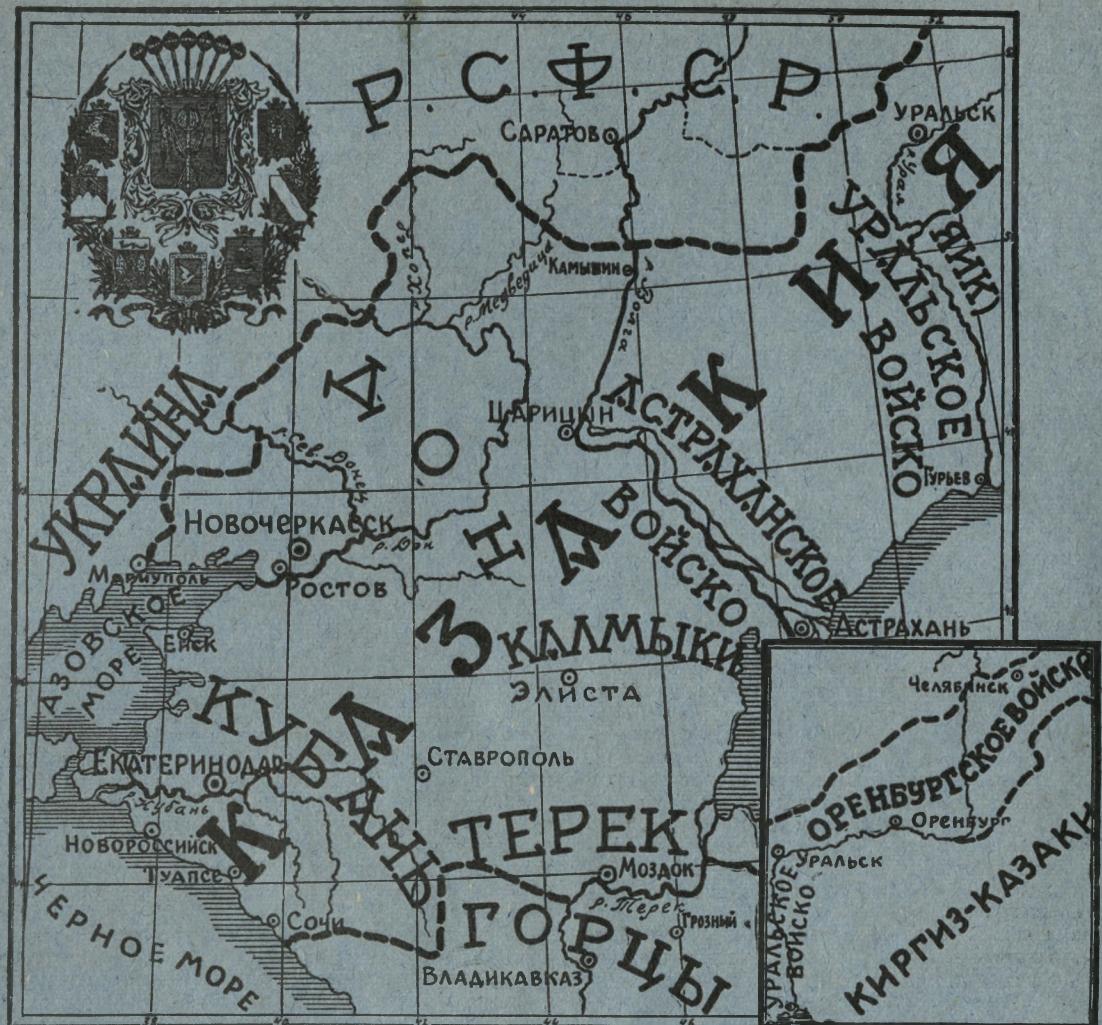
В другой статье, — «Дела эмигрантские», — тот же автор говорит об эмиграции:

«Прежде всего — грызня и распри, разнуданный язык печати и собраний, погоня за «первенством» и за призрачной властью «вождизма», которая раз'едает многих организаций. Многие из них — не только «все-эмигрантские», но и «серебрянские», единоличные в настоящем и единодержавные в будущем. Одне отрицают закон преемственности и сурово судят своих отцов. Что же, ежели за дело и с умом, то ничего не скажешь. Но есть и такие, из условно-молодых, что плюют в «отеческие гробы»: «Сама жизнь — написано в одной такой газете — обслуживает ассенизационную отрасль русского дела, и чужия кладбища становятся архивным складом русской смуты».... Сильно сказано, но не ново: такие же чувства проявлял один ветхозаветный сын.

«Волею судеб я стал во главе Российского Освободительного Народного движения»... «За мной стоят все честные сыны России, как здесь, за рубежом, так и там, под гнетом III Интернационала»... «Вырос гигант... народный трибун, народный вождь, сочетавший мудрость Муссолини с энтузиазмом А. Гитлера»... «Как ученики Христа, мы пойдем проповедывать и призывать русских людей об'единиться вокруг нашего великого вождя и учителя»... «Все — к нам! Имя вождя и его прошлое служит гарантией для сомневающихся и колеблющихся»...

Комментировать эти цитаты не будем.

«Имеющие уши, — да слышат»...

Принимается подписка на 1938 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО - ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	50 фр.	100 фр.	5 фр.
В Чехословакии	50 кр.	100 кр.	5 кр.
В Болгарии	150 лева	300 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	400 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 мк.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0,20 долл.

За перемену адреса следует присыпать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посыпать по адресу: Mr. I. Bilyi: 109, rue Erlanger, Paris 16.